

Маги начинают и выигрывают

Ольга РЛОВА

КРАТКИЙ КУРС
МАГИЧЕСКОГО
ПРАВА

Annotation

Считается, что пришельцы из другого мира сразу находят друзей, встречаются прекрасного принца и обретают магический дар.

А что, если Алевтине, обычной студентке юридического вуза, всего этого не досталось?

Но юристы нужны везде!

Ведь даже магия должна быть строго регламентирована и задокументирована.

Иначе как оформить договор купли-продажи единорога? Зомби получить законный отпуск? Оборотною отстоять право на вой в ночное время?

Даже рыцарский подвиг без юридических проволочек не обойдется!

Анна Орлова

Краткий курс магического права

© А. Орлова, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Моя огромная благодарность:

Ольге Шеляг и Арин — за помощь и активное участие.

Ксюше Карповой — за моральную поддержку.

Доктору dave-aka-dos — за консультации по психологии.

Игорю Короткову — за червя Васисуалия.

А читателям — за терпение, с которым они ожидали окончания книги. — :)

Глава 1

О попаданках, драконах и библиотечных раритетах

«Терпеть не могу цыганок!» — мрачно подумала я, когда мне заступила дорогу попрошайка в цветастом платке и грязной юбке.

Я сморщилась: фу, как от нее несет! Еще и трубка в руке чадит.

— Ай, красивая, позолоти ручку! — низким прокуренным голосом завела она обычную песню. — Все тебе поведаю. И что ждет тебя, красивая, и про судьбу твою молодую. Ни вот на столечко не совру!

Тетка свела желтые от табака пальцы. А под ногтями — толстый ободок грязи.

— Не надо, — пробормотала я, пытаюсь ее обойти. И не дышать, а то от нее несло тяжелым запахом дешевых духов и старого пота.

— Не спеши, милая. — Она схватила меня за локоть, и я передернулась. Она же наверняка настоящий рассадник всякой заразы! — Всю правду расскажу! И порчу сниму.

— Да что вы ко мне пристали? — возмутилась я, прикидывая, не позвать ли на помощь. Вон какие-то парни идут, кажется, из нашего универа. — Не надо мне никакой правды! И нет никакой порчи!

Я брезгливо оттолкнула грубую заскорузлую руку цыганки. Она вообще хоть иногда моется?!

— Не надо, говоришь? — недобро прищурилась она, наклонив голову к плечу. — Значит, не веришь, красивая?

— Не верю! — подтвердила я, обходя ее прямо по газону. Смотрела я под ноги: во-первых, будет ужасно жалко поцарапать новые туфли, а во-вторых, я где-то читала, что цыганам нельзя смотреть в глаза, чтобы не загипнотизировали. — Это все обман и шарлатанство!

— Ах ты... — Цыганка за моей спиной выругалась настолько грубо, что я покраснела, но оборачиваться не стала.

Чего она на меня взъелась?!

Как назло, ни одного полицейского вокруг. Как минимум хулиганство ей можно инкриминировать смело!

А цыганка вдруг меня догнала, рванула за плечо и повернула к себе.

«Да она совсем сумасшедшая! — мелькнула паническая мысль. — Сейчас накинется, и ходи потом, снимай побои!»

От испуга я совсем забыла, что нельзя смотреть на нее, и замерла, как кролик перед удавом, уставившись в похожие на маслины глаза.

А цыганка ухмыльнулась и, глубоко затянувшись, выдохнула дым прямо мне в лицо. От сладковатого дурмана моментально закружилась голова, и я, покачнувшись на шпильках, только чудом удержала равновесие.

— Ну, я тебе! — Она с силой меня встряхнула, и дальше я не помню ничего...

Все тело у меня затекло, в голове пульсировала боль. Лежала я на чем-то твердом, холодном и ужасно неудобном.

«Странно, неужели я заснула на полу? — шевельнулась вялая мысль. — Надо вставать!»

Но я же почти не пью, как это меня угораздило? Может, в обморок упала? Бабушка Галя

всегда причитала, что мы с братом бледные и худосочные. «Как былиночки!» — как она говорила.

Я с трудом открыла глаза ... и чуть не заорала. Прямо передо мной был чешуйчатый хвост, совсем как на «Выставке динозавров».

«Пластиковый муляж!» — с облегчением поняла я, и в этот момент «муляж» нетерпеливо дернулся.

— Ай! — От неожиданности я взвизгнула и подпрыгнула. — Ой, мамочки!!

Нашарила булыжник, схватила и замерла, не веря своим глазам. Сердце колотилось где-то в горле.

Ну не может же пятиметровый динозавр быть настоящим!!

Здоровенная ящерица больше не шевелилась, и я слегка успокоилась.

Наверное, игрушка с моторчиком. Я такие уже видела, они раскрывали пасть, ревели и махали лапами. Только как я опять оказалась на выставке? Я же не собиралась!

Стоп, это не может быть парк динозавров! Его разместили в городском саду, а тут пещера! За спиной у ящера каменная стена, а свет льется из дыры в потолке...

Такого не может быть!

«А, это сон!» — сообразила я. Фух, надо же так перепугаться!

Недавно подружка Люська подсунула мне какую-то «зашибенную» книжку об эльфах, драконах, принцах и еще какой-то муре. Вообще-то я предпочитаю детективы, как и положено будущему прокурору. Но разве Люське это можно втолковать?!

Наверное, из-за ее обожаемого фэнтези мне это и приснилось.

— Ты кто такая? — нелюбезно поинтересовался динозавр. Голос у него был неожиданно приятный и глубокий, как у оперного певца.

Зеленые глаза со змеиным вертикальным зрачком вперились на меня, а из пасти дохнуло смрадом давно нечищенных клыков.

Но во сне же не может быть запахов! Значит, он настоящий?!

«Спокойно, — сказала я себе. — Это наверняка просто дурацкий розыгрыш! Такого не бывает, значит, это розыгрыш!»

Надо попытаться рассуждать логично. Так, закрыть глаза и думать!

Динозавры вымерли. Значит, вот эта туша — ненастоящая.

Наверное, это Люська с бойфрендом развлекаются, он тоже фанател по рыцарям и драконам, даже на ролевки мотался. Интересно, где они такое роскошное чучело отхватили? А сейчас наверняка прячутся за каким-нибудь валуном и давятся от смеха.

— Что ты на меня уставилась? Ты кто такая, спрашиваю? — нетерпеливо повторил «дракон», постукивая хвостом по каменному полу пещеры.

Интересно, он радиоуправляемый? Или внутри прячется человек? Ну, как ходячая реклама.

Хвост больно хлестнул меня по бедру.

— Хватит! — рассердилась я. — Идиотская шутка, между прочим!

— Шутка? — переспросил он, склонив голову к плечу.

— Ну а что еще? — фыркнула я, осматривая свои колготки. Надеюсь, стрелок нет, а то будет позорище! — Не знаю, где вы взяли это чучело, но мне не смешно. И, Люська, можешь вылезать! Я все равно не верю.

Динозавр фыркнул и вдруг, широко раззявив пасть, навис надо мной. Прямо на мою туфлю капнула слюна.

Я замерла, из горла вырвался какой-то сдавленный писк, а потом я завизжала.

— И-и-и! — тянула я, на четвереньках уползая за камень. Вжалась в щель, в панике пытаюсь слиться со стенкой.

Я же еще такая молодая, я не хочу умирать!

Представив, как меня перекусывает пополам огромный чешуйчатый зверь, я завопила еще громче, а по щекам полились слезы.

— Да прекрати ты, припадочная! — раздраженно сказал ящер. — Не буду я тебя есть, вылезай. Я вообще разумными не питаюсь.

— Ага, — не поверила я и громко икнула, прижимаясь спиной к холодному камню. — Ты... ик... хочешь... ик... меня выманить!

— Дура! — припечатал он и легко, как подушку, отбросил спасительный валун. — Ну, что теперь скажешь?

Я тяжело сглотнула, замороженно глядя на его впечатляющие зубы.

— Я... я...

— Так. — Дракон тяжело вздохнул, отошел на несколько шагов и лег. — Давай начнем сначала. Как тебя зовут?

Я подтянула коленки к груди и обхватила их руками. Надо было договариваться по-хорошему, но меня буквально колотило от страха.

— Я... Меня зовут Алевтина! — представилась я и сама не узнала свой сиплый голос. — Я не помню, как сюда попала. Извините, я сейчас уйду!

— Так сразу и уйдешь? — в голосе динозавра слышалась насмешка. — Сначала расскажи, как сюда пробралась через ловушки. Такие пронырливые охотники за сокровищами мне еще не попадались.

— Но... — От нелепости обвинения я даже немного успокоилась. — Но я никакой не охотник за сокровищами!

— А кто ты тогда? — удивился дракон, склонив голову к плечу.

— Я же сказала, меня зовут Алевтина. Я обычная студентка, правда-правда. И я не знаю, как здесь оказалась!

— Пф! — сказал дракон, выпустив из ноздрей струйку дыма. — Не выкручивайся.

— Я не знаю! — воскликнула я, чуть не плача. — Я вообще не знаю, что со мной и где я! Ну ведь не может быть, что это все на самом деле?! Динозавры давным-давно вымерли, и вообще, они не умели разговаривать! Значит, у меня бред?!

Ящер откинул назад голову и издал какой-то странный трубный звук, от которого у меня заныли зубы.

Да он же... смеется?!

Я сердито вытерла слезы ладонью и отвернулась. Я что ему, клоун?!

Наконец ящер успокоился, удобно пристроил голову на лапы и сообщил:

— Я не динозавр, а дракон.

— Но драконов не бывает!

— Девочка, поверь, я бываю, — ухмыльнулся он. Меня передернуло. Бр-р-р, ну и клыки! — И не переводи разговор. Как ты сюда попала?

— Да не знаю я! — Я сглотнула, заметив, с каким нехорошим интересом он меня разглядывает. — Ну правда не знаю! Я шла по улице, встретила какую-то психованную цыганку. И она что-то такое сделала... А потом я проснулась тут.

— Не врешь, — признал дракон, кажется, с неохотой. Он изучал меня, как редкую

зверушку в зоопарке. — Так ты, выходит, попаданка?

— Попаданка? — переспросила я. Во рту вдруг стало горько. Я встряхнула головой, потерла виски. — Но это неправда! Этого не может быть!

— Ага, — весело подтвердил он, подперев голову лапой. — И меня тоже не может быть. Ты головой-то соображай! Какие тебе еще нужны доказательства?

— Ну...

— А давай я тебя укушу! — предложил он. — Если я не настоящий, то тебе не будет больно, так?

— Не надо! — торопливо отказалась я. Из его пасти воняло так... в общем, для сна это было как-то слишком. — И... и что мне теперь делать?

— Откуда мне знать? — Он равнодушно пожал плечами, отчего зеленая чешуя заискрилась в солнечном свете, проникающем сквозь дыру в потолке.

— Но... — Я совсем растерялась. Где я, что со мной, что будет дальше?!

Я шмыгнула носом, сдерживая слезы.

— Не реви, — велел он. — Толай отсюда, пока я добрый.

— Отсюда? — переспросила я убито. — Но куда?!

— Откуда мне знать? — повторил он.

За что мне это все?! Я же ничего плохого не сделала!

Мне остро захотелось домой. Пусть даже на дачу, картошку копать или грядки полоть, но домой!

И родители с ума сойдут от беспокойства... Я представила, что будет с мамой, когда ей скажут, что я пропала неизвестно куда... А ведь у нее давление!

Так. Спокойно. Надо выбираться отсюда.

— Скажите, — начала я робко. — А такие, как я... ну, попаданки... тут уже были?

— Само собой, — подтвердил дракон равнодушно. — Полно.

— А что с ними потом стало? — заинтересовалась я. — Как их найти? Или они все вернулись домой?

— Сколько вопросов! — Он прищурил ярко-зеленые глаза. — Начнем с конца. В свой мир попаданцы не возвращаются. Одно дело переход из заранее известной точки А в точку В и обратно. А вот так, сама по себе... Чтобы теперь отправить тебя не куда попало, нужно найти эту точку А. Никто этого делать не станет, сразу говорю.

— А если я... ну, заплачу? — предложила я, лихорадочно вспоминая, что ценного у меня с собой. Результат подсчетов не радовал: золотые сережки, цепочка с крестиком и какая-то мелочь в кармане. Я же выходила из дому всего-то за хлебом!

— Чем? — ухмыльнулся дракон. — Вряд ли у тебя найдется что-то такое, что окупит несколько лет расчетов и экспериментов. Так что привыкай к этому миру.

— К какому еще миру?! — не выдержав, закричала я. Хотелось швырнуть что-нибудь в эту самодовольную усмехающуюся морду или пнуть ее побольнее. — Вы издеваетесь?! Я домой хочу!

— Девочка, не ори на меня, — велел он холодно. — Еще раз повысишь голос — вышвырну отсюда за шкуру. Поняла?

— Д-да. — Я закусила губу, чтоб не разрыдаться, и обхватила себя за плечи.

Голова шла кругом, мысли разбегались. Я шмыгнула носом и отвернулась, только бы не смотреть на дракона.

— Попаданцы обычно ищут город, — смилостивился он. — Можешь и ты этим заняться.

Кстати, до ближайшего неделя пешком.

— Неделя?! Но у меня нет ни походной одежды, ни еды, ни даже спичек!

— А это уже твои проблемы, — ответил бессердечный ящер. — Я не виноват, что ты свалилась мне на голову. Хотя... если ты попросишь...

Я представила, как бреду по лесу — голодная, замерзшая, на каблуках или вообще босиком... И ведь не факт, что найду дорогу! Компаса у меня тоже нет...

И взмолилась, пересилив гордость:

— Помогите мне, пожалуйста!

— Ладно, уговорила, — согласился он с деланной неохотой. Поднялся и с видимым удовольствием потянулся. — Эх, хоть крылья разомну! Ну, что смотришь? Вставай. Кстати, а что ты в городе-то будешь делать, чудо в перьях?

Я проглотила неприкрытую насмешку.

— Ну, не знаю... Там же наверняка есть какие-то власти, — нерешительно предположила я, поднимаясь с некоторым трудом. Ссадина на коленке болела, ныл локоть, и даже представить страшно, что творится на голове. — Может, они помогут? Или хоть подскажут, куда идти?

— М-да, хорошо, что таких уже пару веков как не жгут, — хмыкнул дракон. — Кстати, ты что-нибудь полезное умеешь? Тебе же придется как-то на жизнь зарабатывать. Учти, таких, как ты, у нас не любят.

— Не знаю, — растерялась я. — Я же обычная студентка, живу с родителями... — шальная мысль чуть не заставила меня подпрыгнуть, и я торопливо ее высказала: — Ой, слушай, может, у меня есть способности к магии? Наверное, я из-за этого сюда попала!

Дракон отрицательно качнул головой, вдребезги разбивая мою надежду.

— Ни малейших. Придумывай что-то другое. — Видя мою искреннюю растерянность, он подсказал: — Ты чем в своем мире занималась?

— Училась в институте.

— Ну вот, — обрадовался дракон. — А на кого?

— На юриста, — вздохнула я.

Прямо скажем, не самая полезная профессия даже в чужой стране, не говоря о другом мире!

— Хм. — Он задумался, лениво помахивая хвостом, потом предложил: — Тогда, если хочешь, составлю тебе протекцию.

— Устроите в институт?! — обрадовалась я.

Хотя зачем мне это, я же домой собираюсь! Не может быть, чтобы не было никакой возможности вернуться. С другой стороны, главное — добраться до города, осмотреться, а там разберемся.

— Не-а, — ухмыльнулся дракон. — Отвезу тебя к моему старому приятелю, он преподает в институте. Поживешь пока у него, подучишься, а через три месяца добро пожаловать на экзамены. Сдашь — будешь учиться, не сдашь — пойдешь в посудомойки или еще куда. Понятно?

— А что я буду делать у вашего приятеля?

— Работать. — Дракон хмыкнул и объяснил: — Мандор холостяк, ему нужна помощь по хозяйству. Он недавно жаловался, что уволилась его старая служанка. Вот ты пока и поработаешь, а в свободное время сможешь заниматься в его библиотеке. Согласна?

Стать служанкой?! И ради этого я училась в институте?!

Но... У меня нет ни денег, ни жилья, ни работы.

— Д-да, — выдавила я.

— Ладно. — Дракон, наигранно кряхтя, встал на лапы и с наслаждением потянулся. — Давай разувайся, и полетели.

— Зачем разуваться? — не поняла я. — Я же не пешком пойду?

— Вот именно. — Он скосил на меня глаз с вертикальным зрачком и отрезал: — А я тебя с такими шпорами на свою спину не пущу! Еще, не дай Пламя, чешую мне поцарапаешь!

Пришлось покорно стаскивать с себя босоножки.

Стоять босиком на камне было холодно, зато дракон одобрительно кивнул.

— Подожди! — велел он и потрусил в дальний угол пещеры. — Так, где же она была? Не тут. Может, тут? Нет. Куда же я ее дел? А, вот!

Он гордо выволок на свет что-то, напоминающее рваную штору, и бросил к моим ногам.

— Что это? — поинтересовалась я, отступая на шаг.

— Твоя одежда, — как ни в чем не бывало сообщил дракон.

— Одежда? — не поверила я, рассматривая линялую тряпку. — Но я же и так одета!

Дракон вздохнул и выпустил из ноздрей тонкую струйку дыма.

— И за что мне это? — риторически поинтересовался он у потолка. Потом повернулся ко мне и объяснил раздельно, как недоразвитой: — У нас такое не носят. Если Мандор увидит тебя с голыми ногами, решит, что ты — шлюха. Я, конечно, ему все объясню... Но он холостой мужик. И может не удержаться от соблазна. Ясно?

— Ясно! — пискнула я, покраснев. Не знаю, кто такой этот Мандор, но он мне уже заранее не нравился.

Пришлось, скрипя зубами, соорудить из этой тряпки какое-то подобие юбки.

Дракон внимательно изучил получившийся у меня образ «моль бледная» (видеть себя я не могла, но воображение дорисовало недостающее) и снисходительно сообщил:

— Ладно, сойдет. К тому же в таком виде тебя не так хочется съесть...

— Вы же говорили, что не едите разумных!

— Обычно — нет, — выразительно сказал он и облизнулся.

— Смешно, — буркнула я, но мне все равно стало как-то не по себе.

— Рад, что тебе понравилось, — церемонно ответил он и ухмыльнулся. — Ладно, пойдем!

Выбравшись на ровную каменную площадку, дракон с наслаждением потянулся.

— Эх, хорошо-то как! Ну, залезай.

— Как? — растерялась я. — Вы же в высоту метра два.

Вот так, вблизи, он выглядел еще внушительнее.

— Ну извини, лестниц у меня нет! — фыркнул дракон. Потом, смилостивившись, подставил хвост. — Ладно, что-то я сегодня добрый.

Я сглотнула и, стараясь не смотреть вниз, принялась карабкаться ему на спину. Пальцы скользили по чешуе, и передвигаться приходилось почти ползком. Вредный ящер наверняка потешался от души, глядя на мои страдания. Пнуть бы его побольнее! Но не почувствует же, гад!

Наконец я хлопнулась на пятую точку между зубцами гребня.

Дракон легонько тронул меня в плечо кончиком хвоста и насмешливо проговорил:

— Ну что, полетели, драконолазка?

Я смогла только кивнуть.

Он ухмыльнулся... и, разбежавшись, сиганул с обрыва.

— А-а-а! — завопила я. Мы же сейчас разобьемся, что он делает?!

Тут по обеим сторонам распахнулись крылья, и дракон начал, медленно взмахивая ими, постепенно выравнивать полет.

— Не ори! — раздраженно приказал он. — От твоего визга у меня уши закладывает.

Слов не было. Я судорожно цеплялась за выступ и пыталась сдержать тошноту и панику.

Вокруг свистел ветер, холод моментально пробрал до костей.

Крепко зажмурившись, я судорожно прижалась к теплой драконьей спине.

Хорошо, все будет хорошо! Не может же со мной что-то случиться!

Поверхность подо мной дрогнула, и я в панике распахнула глаза. Мы упали?!

Но, судя по тому, как спокойно дракон оглядывался по сторонам, с ним все было в порядке.

— Жива? Слезай! — недовольно велел он, передернув плечами, отчего поверхность подо мной заходила ходуном.

— Ага, — выдавила я. Неужели все закончилось?!

С высоты драконьей спины открывался вид на городскую площадь. Спешили по своим делам прохожие, в стороне бойко торговали пирожками и сладостями, тут же прогуливалась цветочница с корзинкой в руках. Женщины щеголяли в приталенных длинных платьях, а мужчины носили костюмы-тройки и шляпы. Как ни странно, на дракона почти не обращали внимания.

— Ты долго еще? — раздраженно поинтересовался дракон, отвлекая меня от разглядывания города.

— Сейчас, — пообещала я храбро. Нужно как-то спуститься, но руки и ноги позорно тряслись. Я жалобно попросила: — А вы не можете... ну, сами? Пожалуйста!

Дракон хмыкнул, потом подхватил меня хвостом, как оладьи лопаткой со сковородки.

Миг — и я внизу.

Коленки позорно тряслись, невыносимо хотелось на что-то опереться, а лучше прилечь.

— Дохлятина! — констатировал дракон, но как-то беззлобно. Да и сил обижаться уже не оставалось.

В этот момент откуда-то сбоку раздался приятный голос:

— Приветствую, друг мой.

— И я рад видеть тебя, Мандор, — отыскав приятеля взглядом, ответил дракон. — Как жизнь холостая?

— Потихоньку, — хмыкнул стоящий у калитки мужчина лет сорока. На вид он был самым обычным: короткие каштановые волосы, серые глаза, окруженные морщинками, невыразительное лицо. — А ты к нам какими судьбами?

— Я вспомнил, что у тебя нет служанки. Это Алевтина. Думаю, она подойдет.

Он махнул хвостом в мою сторону, и мужчина скептически смерил меня взглядом.

— Приятно познакомиться, Мандор, — выдавила я.

Мужчина недовольно поморщился и поправил:

— Для тебя — господин Мандор или хозяин.

— Не обращай внимания, — вмешался дракон, — она попаданка. Алевтина, делай что говорят. Поняла?

Я только кивнула. Глаза слипались, меня мутило, и сил спорить не было совсем.

— Н-да... — Мандор скривился.

— Не волнуйся, это ненадолго, — успокоил его дракон. — Она собирается поступать в институт.

— Шелитт, — поднял брови мужчина, — ты заделался меценатом?

— Ну а что мне было делать? — начал оправдываться дракон. — Она свалилась прямо в мою пещеру.

— Съел бы, — пожал плечами Мандор. — Все равно попаданки тупы и ленивы.

— Фу! — скривился дракон. — Она жирная, меня потом будет пучить! И холестерин повысится!

Я открыла рот, чтобы возмутиться из-за «жирной», подумала и закрыла.

— Хм, а может, из нее и выйдет толк, — задумчиво признал Мандор. — По крайней мере, она хоть что-то соображает. Ладно, как там тебя? Альтина, зайди в дом и поставь чай!

— Алевтина, — поправила я.

— Запомни, — нахмурился он, — будешь мне перечить — останешься без ужина. Поняла?

— Да! — пискнула я, чуть не кипя от возмущения. Тоже мне, эксплуататор и угнетатель!

— А теперь иди и завари мне чая. Сможешь?

Я кивнула и протиснулась мимо него.

Небольшое здание из красного камня было почти целиком оплетено диким виноградом, что придавало ему какую-то мрачноватую живописность. К входной двери вела дорожка, посыпанная желтым песком.

Интересно, а где тут кухня? Чай заварить не сложно, сложнее найти все нужное.

Просторная и светлая кухня, оформленная в бело-синих тонах, оказалась изрядно захлавленной. Сразу видно, что здесь живет старый холостяк: в раковине громоздилась гора посуды, часть грязных тарелок высились башнями прямо на столе. Закопченный чайник стоял прямо на плите, но ничего похожего на зажигалку или хотя бы спички я не обнаружила.

Вода нашлась в бадье, а что делать дальше?

Я села на стульчик возле кухонного стола и пригорюнилась. Никого тут не знаю, ничего не умею... К тому же кушать хотелось все сильнее.

В таком положении меня и застал господин Мандор, когда минут пятнадцать спустя заглянул выяснить, где обещанный чай.

— Что случилось? — резко поинтересовался он, остановившись на пороге. — Почему ты не вскипятила воду?

— Я не умею, — призналась я, с трудом сдерживая слезы.

В конце концов, я же не обязана разбираться в здешней кухонной утвари!

— Дура, — вздохнул господин Мандор, подходя к плите. Чем-то там защелкал, и под чайником вспыхнул огонек.

— Знаете что!.. — начала я обиженно, но господин Мандор не слушал.

— Зачем мне служанка, которая настолько тупа, что не умеет даже чай заварить? — с досадой произнес он. — Сосватал мне Шелитт подарочек, ничего не скажешь.

Неоправданное обвинение оказалось последней каплей.

Я вскочила с табуретки и горячо возразила:

— Неправда, я вовсе не тупая! Я просто не умею пользоваться вашими зажигалками, но научусь, когда вы покажете! А обзывать человека просто за то, что он родился в другом мире, некрасиво и нечестно!

Я вся дрожала от усталости и злости.

Пусть он меня сейчас выставит, переживу как-нибудь.

Он задумчиво посмотрел на меня (лучше не думать, как я сейчас выгляжу — растрепанная, красная, в грязной тряпке!) и, наконец, решил:

— Ладно, сегодня отдыхай, а завтра я объясню тебе, что и как делать. Сейчас я найду что-нибудь перекусить.

От этих волшебных слов у меня в животе громко заурчало. Наконец-то еда!

Господин Мандор насмешливо улыбнулся и выдал мне по куску хлеба и сыра, а также нарезанное ломтиками холодное мясо. Живем!..

На следующий день Мандор (называть его «господином» у меня получалось с трудом) растолкал меня рано утром.

— Вставай! — бесцеремонно потребовал он. — Через полчаса жду тебя внизу.

Я вылезла из-под одеяла и потеряла сонные глаза.

А дома мама бы сейчас, наверное, жарила яичницу с колбасой и резала бутерброды...

Мне так ужасно захотелось обратно к родным, что глаза защипало. Ну за что мне это все?!

Я сердито вытерла слезы ладонью. Нет, я не сдамся! Рано или поздно выберусь отсюда, а пока надо постараться не думать о своем мире. Иначе у меня просто не хватит сил жить тут.

Приняв такое решение, я натянула порядком измятое и выпачканное платье в комплекте с выданной драконом линялой тряпкой. Затем оделась и «расчесалась» пальцами. Как жаль, что моя сумочка бесследно пропала! Наверное, ее украла та цыганка...

Господин Мандор уже ждал меня на кухне.

— А ничего поприличнее у тебя нет? — брезгливо поинтересовался он. — В моем доме нельзя ходить в таком рванье.

— У меня багажа нет! — мрачно напомнила я, покраснев.

— Да, ты же попаданка, — «вспомнил» господин Мандор.

Это слово прозвучало как ругательство. Я насупилась. Ну я не виновата, что та психованная гадалка меня сюда запихнула!

Не обращая внимания на мое недовольное сопение, господин Мандор начал инструктаж...

Вопреки моим ожиданиям в хозяйстве магия применялась мало.

Из волшебных вещей на кухне имелось подобие холодильника и бочка, в которой вода прибывала сама по мере использования. А чтобы включить плиту, использовали специальный двухцветный кристалл, от прикосновения красной грани которого огонь зажигался, синей — гас.

В остальном же все по дому приходилось делать по старинке, вручную...

А работы было так много, что к вечеру я взвыла.

Столько пахать только за еду и крышу над головой! Что я, рабыня?!

Когда я заикнулась, что мне нужны деньги, чтобы купить новую одежду, хозяин пожал плечами и сообщил, что необходимости в лишних тратах нет, а я вполне могу взять платья прежней служанки.

— А если тебя что-то не устраивает, — кривая ухмылка господина Мандора была неприятной, — так я не держу. Можешь выметаться на все четыре стороны!

Вот так я и оказалась в положении то ли прислуги, то ли крепостной. И к вечеру просто падала с ног от усталости.

Сначала я пыталась спорить и даже бунтовать, но у господина Мандора на все был один ответ: «Не нравится — уходи!»

А идти мне было некуда...

Конечно, раньше я помогала маме по дому, но тут работы было в разы больше! Притом без пылесоса, кухонного комбайна, микроволновки и прочих устройств, облегчающих жизнь домохозяйки. Из бытовой техники кроме холодильника здесь имелись только пральни — стиральные машинки, но они имели уйму ограничений.

— Ты совсем идиотка?! — вопил господин Мандор, потрясая драной тряпкой, декорированной огромным количеством пятен и потеков. — Ты додумалась сунуть в пральню мою лучшую скатерть!

— Но я же не знала! — оправдывалась я.

— Чего ты не знала? — Он смерил меня уничижительным взглядом, и мне захотелось позорно расплакаться.

Мало того, что выгляжу ужасно — в потертом и застиранном черном платье до пят, кожа огрубела, ногти обломаны, — так еще и терпеть оскорбления!

А он, зная, что деваться мне некуда, не церемонился.

— Я не знала, что нельзя, — пробормотала я, кусая губы и глядя в пол.

— Я тебе, дуре, говорил! — не успокаивался господин Мандор. — В первый же день объяснил, что пральня уничтожает все заклятия на ткани. А все дорогие вещи зачарованы от пятен и изнашивания!

Я виновато промолчала. В первый день работы у меня голова шла кругом, как тут запомнить все хозяйские ценные указания?!

В итоге хозяин заставил меня запомнить в доме каждую тряпицу, на которой есть чары.

Когда уже закончатся эти бесконечные три месяца и я, наконец, буду свободна?

Понятия не имею, когда фэнтезийные героини успевают познакомиться с толпой народа, влипнуть во всевозможные неприятности, потанцевать на нескольких балах (или на крайний случай на столе в трактире), да еще и без памяти влюбиться!

Лично у меня времени хватало только на хозяйственные дела и учебу.

К тому же пришлось заново учиться читать и писать. Каким-то чудом я понимала иномирную речь на слух, но на письменный текст этот феномен не распространялся. И нужно было видеть скептическую мину господина Мандора, когда я попросила его показать мне буквы!

Под его руководством азбуку я одолела быстро и без труда, а дальше дело пошло легче...

Даже скучать по дому и родителям было некогда. Несколько раз я просыпалась в слезах, когда мне снилась мама, но потом воспоминания словно подернулись дымкой, перестали причинять острую боль. Все заслонили ежедневные заботы и тяжелая отупляющая усталость.

Конечно, иногда мне хотелось забросить к черту учебники, не говоря уж о стирке и уборке, и рвануть гулять по волшебному миру. Наверно, я еще увижу эльфов, гномов, вампиров... А пока приходилось довольствоваться домом и садом господина Мандора. За прошедшие два месяца я так ни разу и не вышла за пределы двора. Любопытство быстро сменилось вечной усталостью, и вечером хотелось спать, а не гулять. К тому же без денег и в неприглядных обноски гулять неинтересно — сувенир не купишь, что-нибудь вкусенькое не попробуешь...

Мелькали дни, неотличимые друг от друга. Частенько я выключалась прямо над

очередным учебником. Хроническое недосыпание сделало меня похожей на зомби, и временами, видя в зеркале свое отражение, я вздрагивала от ужаса. Мои голубые глаза стали казаться серыми, а каштановые волосы потускнели.

Ничего, дальше будет легче: лето закончится, я сдам экзамены и поступлю в институт!

Главное, не думать, что будет в случае провала. Остаться в положении вечной служанки без каких-нибудь перспектив и надежды вернуться домой...

Почему это случилось именно со мной?! Ну что я кому плохого сделала?!

Нет, не думать об этом. А то опять расплачусь...

Все будет хорошо! Твердя это, как заклятие, я вновь и вновь вгрызалась в гранит науки...

— Ты зачем себя горишь? — однажды поинтересовался господин Мандор, застав меня спящей в библиотеке. — Совсем сдурела? Ты чего добиваешься?

— Я не сдурела! — обиделась я, украдкой протирая заспанные глаза. — Я просто хочу поступить в институт!

— Хм... — Господин Мандор, кажется, посмотрел на меня по-новому. — И кем ты хочешь стать?

— Юристом! — отчеканила я.

Система судебных и правоохранительных органов Альвии (так называлась та страна) отличалась от известной мне, но суд и в другом мире суд, так что два курса юрфака меня очень выручали.

— Хм, — повторил он задумчиво. — Значит, юристом? Ты думаешь, это просто?

— В своем мире я именно на юриста и училась, — пожала плечами я с затаенной гордостью. — Значит, и у вас смогу!

— Интересно, — почему-то сказал он. — Ладно, дерзай! Только тогда уж и приберись тут заодно.

Я неуверенно кивнула, отчаянно жалея, что в этом мире не знают кофе. Глаза никак не хотели открываться.

Господин Мандор ушел, а я обозрела поле деятельности. Бардак в библиотеке навевал тоску. Стеллажи до потолка, заставленные книгами, а еще стопки на подоконнике, на столике, груды журналов... И все это нужно было протереть от пыли и расставить по местам!

Я стояла на стремянке, пытаюсь впихнуть тяжеленный том между двумя другими, когда кто-то незнакомый спросил с интересом:

— Что ты делаешь?

От неожиданности я едва не загремела вниз.

Удержалась, со злости впихнула-таки книгу на место и, придерживаясь за полку, оглянулась. На меня с любопытством смотрел рыжеволосый тип с острыми ушками, увенчанными золотистыми кисточками.

— Не видно? — буркнула я. — Убираю.

— А-а-а, — протянул он. — Понятно. Ладно, я мешать не буду.

И, усевшись в кресло, раскрыл принесенный с собой фолиант. Я скосила глаза. Ух ты! Таких я еще не видела. Фолиант был обтянут чем-то похожим на кожу, украшен массивными металлическими застежками и даже драгоценными камнями!

Первое время присутствие постороннего меня смущало, но потом я немного освоилась. К тому же было совсем непросто разобрать, куда какую книгу поставить, и постепенно я увлеклась.

Хорошо хоть господин Мандор подписал стеллажи! Вот тут медицина, тут право, тут естествознание. Но мне не всегда удавалось определить с ходу, о чем та или иная книга.

Вот «Интерпретирующие и герменевтические возможности теории структурного полиморфизма» — это о чем?!

— Простите, — сказала я робко, подходя к увлеченному чтением юноше. Господин Мандор строго-настрого приказывал не беспокоить его гостей. Но я же не с глупостями пристаю! — Не могли бы вы мне помочь?

— Да, конечно, — ответил он, подняв голову. — Чем могу быть полезен?

— Вы не знаете, о чем это? — спросила я, продемонстрировав ему книгу. — Никак не могу разобраться, куда ее ставить!

— Философия, — определил он с ходу. — Точнее, мистическая философия.

— Спасибо! — обрадовалась я, оглядываясь в поисках нужной полки.

Он кивнул и, вздохнув, переменил позу. Держать на весу тяжеленный том было явно неудобно, а положить некуда.

В общем, я продолжила уборку, а странный парень снова принялся читать...

— Не может быть! — вскричал он вдруг, и я от неожиданности подпрыгнула.

Оглянувшись, спросила опасливо:

— Что-то случилось?

Но он меня не видел и не слышал. Держал в трясущихся руках книгу (уже другую, кажется, совсем без обложки) и что-то шептал.

Потом бросил книжку на стол и стремительно выбежал прочь...

Я пожалала плечами, вздохнула и взялась разбирать груды на журнальном столике.

Хм, кажется, он читал что-то по истории?

Я пролистала книжку и, пожав плечами, поставила ее на соответствующий стеллаж.

А вот украшенную драгоценностями книжку я, поразмыслив, решила отнести господину Мандору. Как-то страшновато такую драгоценность ставить на полку!

— А почему ее принесла ты? — нахмурившись, осведомился господин Мандор. — Почему не Арнульф?

Называть его хозяином я отказывалась наотрез. Вот еще, я же не рабыня!

— Ранульф — это тот парень, который ее читал? — уточнила я, вытерев руки о передник. Надо же, где можно было так изгваздаться? Господин Мандор кивнул. — А, он почему-то закричал и убежал!

— Ясно. — Господин Мандор кивнул, расстегнул тяжелые застёжки... и тупо уставился на пустоту внутри. Книги не было!

— Ой! — Я прижала руку ко рту.

— Так! — Он поднял на меня хмурый взгляд. — Где книга?

— Я не знаю! Он читал-читал, а потом закричал и убежал!

Господин Мандор до белизны сжал губы.

— Поверить не могу, что он вор... Ладно. Можешь идти.

Я сделала несколько шагов, остановилась, спросила нерешительно:

— Господин Мандор, а что теперь будет?

Вопреки ожиданиям он ответил.

— Найду Арнульфа и расспрошу, — сказал он, пожав плечами. — Если не отдаст сам, то вызову милицию. Ладно, иди!

Я сглотнула.

— Но обложка же осталась! Дорогая, с камнями всякими.

— Стоимость обложки — ничто по сравнению с самой книгой. Она уникальна, — объяснил он устало. — И сторожевые чары, кстати, как раз на обложке.

— Понятно. — Я кивнула и поплелась на кухню.

Арнульфа было жаль, но что я могла сделать? Господин Мандор был в своем праве...

Я перебирала крупу, чувствуя себя сказочной Золушкой. Только бала и принца мне даже не обещали.

— Арнульф, не дури! — вдруг донесся до меня раздраженный голос господина Мандора. — Верни книгу, не доводи дело до милиции!

Видимо, разговаривали они на пороге, так что до кухни через приоткрытое окно доносились голоса.

— Но я не знаю, куда она делась! — закричал Арнульф ломким баском. — Не брал я вашу книгу! Точнее, брал, конечно. Но из вашего дома не выносил!

Я осторожно выглянула из окна. И правда, они ссорились прямо на пороге. Господин Мандор нависал над Арнульфом, который все нервно прядал длинными ушами.

— Чудес не бывает, — резко сказал господин Мандор. — Ты читал книгу, которая сразу после этого пропала. Не отпирайся, я сам вручил тебе ту книгу, и моя служанка видела, что ты ее читал.

— Служанка! — Судя по голосу, Арнульф воспрянул духом. — Да, там же была девушка! Позовите ее, она расскажет, что я выходил из библиотеки с пустыми руками!

— И что мешало тебе спрятать книгу на теле? — скептически осведомился господин Мандор. — Без обложки она совсем небольшая. Сунул за пояс, и все.

— Да поверьте же мне! — потребовал Арнульф, чуть не плача. — Ну зачем мне красть вашу книгу?!

— Ради денег? — предположил господин Мандор цинично.

— И почему я тогда не убежал? — возразил Арнульф. — Да поймите же, я там вычитал... вычитал... В общем, мне нужна эта книга как доказательство для суда! А краденая вещь не может считаться доказательством!

— И что же ты вычитал? — поинтересовался господин Мандор с интересом.

Арнульф отвел взгляд.

— Ну же! Говори! — прикрикнул на него господин Мандор. — Говори правду, это твой последний шанс.

— Я из рода Бешеной Белки, — признался Арнульф убито.

— Бешеной Белки? — переспросил господин Мандор с удивлением и, кажется, опаской. — Той самой?

— Да! И ее оклеветали! — Арнульф говорил быстро, горячо. — Враги наложили на нее заклятие! В той книге прямо об этом говорилось. Они... они хвастались!

— Хм, — протянул господин Мандор, как-то странно глядя на всклокоченного парня. — Ты уверен?

— Хотите спросить, не проснулось ли во мне наследственное безумие? — горько усмехнулся тот. — Думаете, я сейчас отращу клыки до подбородка и брошусь на вас?

— Не думаю, — вздохнул господин Мандор. — Ладно, заходи. Подумаем вместе, куда ты подевал мою «Инеистую эпоху в письмах».

И похлопал Арнульфа по плечу.

А я стояла, ошеломленно пялясь на уже опустевшее крыльцо. Нет, не может быть!..

— Алевтина, чаю нам! — зычно крикнул господин Мандор, войдя в дом. — В кабинет! Как я не перебила посуду, заваривая чай, я не знаю. Руки тряслись, мысли разбегались. Господин Мандор будет в ярости! Не сказать? Нет, так поступить я не могла.

Я поставила на поднос сахарницу, чашки с ложками, заварник и вазочку с печеньем. Глубоко-глубоко вдохнула, выдохнула и пошла сдаваться...

— Так, еще раз. — Господин Мандор принял чашку и кивнул, разрешая мне удалиться. — Постарайся вспомнить, куда ты мог подевать книгу.

— Да не знаю я! — Арнульф грел пальцы о чашку. — Я снял обложку, потому что она очень тяжелая и неудобная. Положил на журнальный столик. А потом нашел то письмо... Ну не в себе я был, понимаете? Но я точно ее не выносил. Может, упала за кресло?

— Ты думаешь, я не искал? — скептически поинтересовался господин Мандор, отпивая чай. — Нет ее там. Арнульф, постарайся вспомнить! — и, бросив на меня взгляд, добавил с некоторым раздражением: — А ты чего застыла? Можешь идти!

— Это я ее взяла, — глядя в пол, призналась я глухо. — Ну, книгу! Только все было совсем не так!

Арнульф облился чаем, господин Мандор вскочил.

— Ни... ничего себе! — ошеломленно выдохнул Арнульф за его спиной. — Зачем?

— Да понятно зачем, — едко ответил ему господин Мандор. — Денег хотела.

— Нет! — Я даже замотала головой и взмолилась: — Да послушайте же! Я не воровка! Я просто убирала книги. Ну не знала я, что вы ее из обложки вынули! По ней же не видно!

— Так, — холодно сказал господин Мандор и больно схватил меня за руку. — Рассказывай!

— Ну там же было много книг! Эта ваша «Инеистая эпоха» самая обычная! Я просто взяла ее и поставила на полку! Ну, там, где все по истории стоит!

— А почему не сказала сразу? — Голос господина Мандора ничуть не смягчился. Он смотрел на меня как на какого-нибудь таракана.

— Так я не поняла, о чем речь! — Я умоляюще взглянула на него. — Обычная книжка в твердом переплете! Откуда я могла знать?!

— Она действительно на вид самая обычная, — вмешался Арнульф. — Просто вставляется в пазы обложки.

— Вот! — обрадовалась я неожиданной поддержке. — Я правда не хотела! Ее же не называл никто, книга и книга. Только когда услышала название, догадалась!

— Откуда мне знать, что ты не хотела ее украсть? — Господин Мандор впери́л в меня презрительный взгляд.

— Ага, — возразила я едко. — И сама же во всем призналась!

Как он смеет считать меня воровкой?!

— Испугалась милиции? — предположил господин Мандор, хотя уже без прежней злости.

— Тогда проще подкинуть краденое на место! — парировала я. — Вы же меня даже не заподозрили, чего мне бояться?

Господин Мандор задумался.

— По следам на книге можно установить, что ты ее касалась.

— У вас уже знают об отпечатках пальцев?! — невольно заинтересовалась я.

— Каких еще пальцев? — нахмурился он. — Я об отпечатках ауры на книге. Ты попаданка, так что никак не могла стереть следы магией!

— Для начала, я о них вообще не знала, — заспорила я. — И вообще, кто мне мешал просто бросить эту вашу книжку в печку? Ну, если уж я так испугалась милиции!

— Ты, — начал господин Мандор, но договорить ему не дали.

— Вот! — вмешался Арнульф, протягивая книгу. Пока мы увлеченно спорили, он успел сбегать в библиотеку. — Кажется, с ней все в порядке.

Господин Мандор бережно принял свое сокровище, пролистал страницы.

— Да, все в порядке, — со вздохом облегчения согласился он. — Ладно. Алевтина, можешь идти.

Я кивнула и на негнувшихся ногах поплелась к выходу.

— Пстой! — окликнул меня Арнульф. — Алевтина, да?

— Да, — неохотно обернувшись, подтвердила я.

— Так почему ты все рассказала? — поинтересовался он, смешно шевеля ушами. — Тебя же никто не подозревал даже!

— Зато подозревали вас! — ответила я запальчиво. — Я не могла молчать, я же знала, что вы не виноваты! То было бы несправедливо!

— Ясно, — хмыкнул господин Мандор, кладя руку на плечо Арнульфа. — Наивность, помноженная на правдолюбие. Ладно, иди уже!

И я пошла к себе...

А вечером господин Мандор молча положил передо мной перечень экзаменационных вопросов.

— Пригодится, — только и сказал он на мой удивленный взгляд...

Время шло, и наконец наступил долгожданный день первого экзамена.

Я проснулась рано, едва рассвело... Открыла глаза и уперлась взглядом в беленую стену.

Нужно готовить завтрак и собираться в институт, а меня уже заранее трясло.

— А, Алька, — фамильярно, как любимого пса, приветствовал меня хозяин, с какой-то стати тоже вскочивший ни свет ни заря. К тому же он расположился не в кабинете, как обычно, а прямо в моих «владениях».

— Здравствуйте, господин Мандор, — уже привычно проговорила я, заученным движением ставя чайник на огонь.

— У тебя ведь сегодня экзамен? — поинтересовался хозяин, почесывая грудь в вырезе расстегнутой рубахи.

— Да, господин Мандор. — Я неосторожно задела бок горячего чайника и тихо зашипела, дуя на обожженную руку.

— Я могу проводить тебя до института и забрать обратно, — добросердечно предложил он (видимо, опасался, что я сбегу). — Каким бы ни был результат. И вот, это тебе.

Он вручил мне платье — темно-серое, безо всяких украшений, зато новое и по размеру, что за последние месяцы стало недостижимой мечтой. Столько времени проносить рванье с чужого плеча!

— Спасибо, — тихо сказала я, решив про себя, что обязательно поступлю — или умру. Больше так жить нельзя!

К счастью, институт оказался совсем недалеко, буквально в пятнадцати минутах ходьбы. Я, как маленькая девочка, держала за руку господина Мандора. Даже нервное состояние не мешало с любопытством оглядываться по сторонам.

Невысокие белые, голубые, персиковые, зеленые дома, окруженные многочисленными садами, смотрелись очень живописно. Дороги вымощены каменными плитами, а по

обочинам расставлены горшки с цветами. Город был прекрасен, как картинка в детской книжке.

За три месяца взаперти я почти одичала, отвыкла от мелькания людей вокруг, непривычных запахов и звуков.

Наконец мы подошли к довольно внушительному зданию из красного камня. Храм науки действительно напоминал храм: высоченные потолки, внушительные колонны, в нишах бюсты и статуи с трогательными букетиками у подножья...

— Институт магического права, — сообщил господин Мандор, с трудом отцепив мою руку, и строго велел: — Иди на второй этаж, в двести тринадцатую аудиторию.

— А... уже? — Мне вдруг стало страшно.

В конце концов, господин Мандор был уже привычным злом, а кто знает, что ожидает меня впереди?

Но он не собирался меня утешать.

— Прекрати вести себя как ребенок! — недовольно проворчал он. — У меня дела, знаешь ли!

— Ладно, — сказала я и отвернулась, пытаясь спрятать навернувшиеся слезы.

— Удачи! — пожелал господин Мандор напоследок и ушел, а я поплелась на поиски.

Возле нужной аудитории толпились абитуриенты всех рас и мастей. Толком рассмотреть возможных однокурсников не хватило времени: дверь распахнулась, из-за нее выглянул молодой парень в очках.

— Первая пятерка, заходите! — велел он. — Ну, кто пойдет?

— Я! — пискнула я, решительно шагнув вперед.

Экзамены сдавать не впервой, прорвусь! Тем более что за храбрость могут и балл накинуть.

Правда, коленки тряслись, и вдруг нестерпимо захотелось в туалет, но я пересилила себя и вошла в аудиторию.

Привычное зрелище успокаивало: самая заурядная аудитория, обыкновенная приемная комиссия. Хотя нет, не совсем обычная: гном, эльф, два человека и кикимора.

Одной из первых в этом мире я прочла книжку «Расы и народы: происхождение и современность» и сейчас словно любовалась ожившими иллюстрациями из нее.

На негнущихся ногах я подошла к столу комиссии и остановилась, не зная, что делать дальше.

— Ваше полное имя, возраст, социальный статус, — не поднимая взгляда от списка, поинтересовалась пожилая кикимора.

— Алевтина Звонарева, девятнадцать лет, попаданка, — отрапортовала я.

Кикимора подняла взгляд на меня и скривилась, будто съела целый лимон с кожурой.

— Попаданка? — недовольно переспросила она. — Только этого нам не хватало! У нас приличное учебное заведение...

— Госпожа Нарша, в нашем институте не одобряется расизм! — ледяным тоном оборвал ее один из эльфов.

— Ладно, тяните билет, — сдалась кикимора.

Под ее негодующим взглядом я чувствовала себя лягушкой в кабинете биологии.

Трясущимися руками я вытянула билет и продемонстрировала его грымзе.

— Билет номер тринадцать, — провозгласила она и сделала отметку в своем списке. — Идите, готовьтесь.

Счастливым номер, ничего не скажешь!

Я уселась за первую попавшуюся парту и торопливо просмотрела задание, ожидая худшего. Все оказалось не так страшно: первые два вопроса я знала прекрасно, над третьим пришлось немного покорпеть...

Я не заметила, как увлеклась, и вдруг оказалась последней оставшейся из первой пятерки.

Нервно сжимая в руках листочки со своими записями, я вышла к трибуне.

— Прошу вас, начинайте, — кивнул мне тот самый эльф, который за меня вступился.

Я глубоко вздохнула, успокаиваясь, и довольно бойко ответила по первому вопросу, даже не подглядывая в заметки. И тут кикимора начала меня валить. Хорошо, что я раньше училась на юридическом, да и теперь готовилась на совесть!

Не знаю, сколько длилось это издевательство.

— Хватит, — наконец остановил меня на полуслове преподаватель-человек, — переходите к следующему вопросу.

— Коллега, но я еще не все спросила! — возмутилась кикимора.

— Она уже ответила на вопрос билета и десяток дополнительных, — невозмутимо пояснил мой заступник. — А у нас еще множество абитуриентов.

— Но она попаданка! — Кажется, кикимора возмутилась до глубины души.

— И что? — парировал преподаватель. — Она знает предмет.

— Все попаданки наглые, беспардонные и бессовестные! — стояла на своем эта мымра.

— Коллеги, — негромко вмешался в перепалку эльф, — нет нужды спорить, ведь еще два вопроса. Начинайте! — обратился он ко мне.

Стараясь не показать, насколько зла и обижена, я принялась отвечать.

Голос мой слегка дрожал, а пальцы нервно комкали бумагу. Ну почему все так несправедливо?! В книжках героиням всегда помогало происхождение из другого мира, а мне от этого только проблемы! Самая настоящая дискриминация!

Надо ли говорить, что кикимора не преминула задать мне еще три десятка «уточняющих» вопросов?

— Хватит, коллега! — снова осадил ее один из преподавателей. — Мы не хотим задерживаться здесь до полуночи.

— Ладно, — буркнула она, неохотно расписываясь в ведомости. — Но ей же наверняка просто повезло!

От возмущения я потеряла дар речи. Ничего себе «повезло»! Да она у меня спросила даже то, что поступающие вообще не должны знать!

Ладно, главное, что первый экзамен сдан на «отлично»...

Не помню, как вышла из аудитории, и смутно представляю, как добралась домой. Надо же, я уже считаю особняк господина Мандора домом!

Там меня ждали уборка, готовка, стирка, обрезка отцветших роз — занятия ненавистные, но уже привычные. Я ожесточенно орудовала садовыми ножницами и твердила про себя: «Еще несколько дней! Несколько дней, и я отсюда вырвусь!»

Перед вторым экзаменом толпа под дверью аудитории стала заметно реже, и впустили нас сразу всех. Небольшой диктант и тестовые задания заняли почти два часа. Хорошо хоть на этот раз мне не полагалось никаких дополнительных вопросов!

Наконец мы сдали листы с работами и дружной толпой вывалились из аудитории. Кажется, некоторые ребята отправились в ближайшее кафе, но меня туда никто не звал.

Впрочем, у меня по-прежнему был ветер в карманах, так что это удовольствие не про меня. Я понуро побрела к тряпке и осточертевшей плите...

Остаток этого дня и весь следующий я прожила как во сне, будучи в состоянии думать только об одном: «Только бы поступить! Пожалуйста, пожалуйста, пусть я поступлю!»

Господин Мандор даже рывкнул на меня, когда я в задумчивости начала мыть пол полотенцем. Но, видя, что это не оказало обычного воздействия, он замолчал и больше меня не дергал, даже разрешил сразу после обеда идти отдыхать.

Ночь я почти не спала, а чуть свет упростила господина Мандора отвести меня в институт.

Было страшно, хоть я прекрасно понимала, что все уже решилось.

— Где тут списки поступивших? — дрогнувшим голосом спросила я.

Господин Мандор молча ткнул пальцем в стенд. Буквы расплывались перед глазами, и читала я с большим трудом. Сердце екнуло — и забилось чаще, грозя выскочить через горло. Моя фамилия значилась среди счастливчиков под номером тринадцать.

Когда я несколько раз перечитала список и, наконец, нашла в себе силы повернуться к уже бывшему хозяину, он неожиданно тепло улыбнулся и сказал, похлопав меня по плечу:

— Поздравляю, студентка!

Глава 2

О договорах, единорогах и романтике

Ой! У меня получилось!

— Ура! — закричала я, от избытка чувств подпрыгнув на месте. — Ура-а-а!

— Девушка, не кричите. — Низенький старичок посмотрел на меня неодобрительно. — Займитесь лучше обустройством. У вас еще наверняка множество дел!

— Каким... обустройством? — не поняла я. — А, в смысле, переехать в общежитие?

Старик неожиданно внимательно взглянул на меня из-под кустистых седых бровей.

— Хм, — пробормотал он. — Боюсь, девушка, вам придется искать жилье в городе.

— Почему это? — опешила я. — В объявлении сказано, что иномирянам предоставляется общежитие!

— Боюсь... — Кажется, он немного смутился. — Боюсь, что это касается, так сказать, обычных иномирян, которые попали в этот мир самостоятельно.

— А попаданцы что, не люди?! — возопила я, кипя от возмущения.

— Успокойтесь, девушка! — Он опасливо покосился на мой сжатый кулак и перевел взгляд на что-то за моим плечом: — Уверен, господин Мандор вам все объяснит.

— Обязательно, — пообещал господин Мандор, цепко взяв меня за локоть. — Извините, профессор Мандельси, девушка просто вне себя от радости.

— Понятно, — кивнул старик. — Что ж, господин Мандор, встретимся на ученом совете.

— Конечно. — Мой хозяин почтительно склонил голову и потянул меня за собой. Наконец мы оказались в стороне ото всех, у высокой каменной ограды. — Что ты вытворяешь?! Я что, плохо тебе объяснил, как нужно себя вести с теми, кто неизмеримо выше тебя?

— Прямо-таки выше! — возмутилась я. — Что это за бред насчет того, что мне не дадут общежитие?!

— Это не бред, — прошипел господин Мандор. — Ты просто идиотка! Не смей так вести себя с профессором Мандельси! Это один из самых уважаемых профессоров нашего мира. Но, как и все домовые, он очень пуглив.

— Э-э-э. — Я растерялась. — Я их по-другому представляла...

— Мало ли, что ты представляла! — отрезал он, вперив в меня тяжелый взгляд. — Послушай, Алевтина, я не желаю тебе зла. Но ты должна понимать, что здесь ты никто. Попаданцы в основном существа бесполезные и даже вредные. Редко когда среди них встречается кто-то более-менее толковый.

Я открыла рот, чтобы возразить, но господин Мандор не дал мне сказать ни слова.

— Молчи! — прикрикнул он. — Так вот, ты поступила в институт. А значит, скоро получишь гражданство и все права. Но не смей вести себя так, как будто тебе все должны! Ты не в своем мире, запомни это.

— Да, не в своем, — согласилась я дрожащим от гнева и обиды голосом. Такой момент испортили! — Но я же не виновата! Чем я хуже остальных?!

Я прикусила губу, стараясь сдержать злые слезы. Но господина Мандора такими мелочами не пронять.

— Ничем. — Он пожал плечами. — Просто в тебе нет ни капли магии. А без нее в общезнании не обойтись. Там тебя живо наградят каким-нибудь проклятием или соблазнят под приворотом.

— Но... но это же противозаконно! — От негодования у меня даже слезы высохли.

— Да, — согласился господин Мандор. — Но ты вряд ли сможешь защититься от мелкого хулиганства. А студенты по пьяни и не такое откалывают.

— И... и что же мне делать? — спросила я растерянно.

В чем-то он был прав. Ужасно быть самой слабой и не похожей на остальных. Таким всегда и ото всех достается.

— Снять комнату, — немного подумав, предложил он. — Если с хозяевами, то это не очень дорого. Тебе положена небольшая сумма на обустройство, выкрутишься.

— А можно... — я с трудом выдавливала из себя слова, — можно, я пока у вас поживу?

— Нет, — резко ответил господин Мандор.

— Ладно. — Я опустила голову, надеясь, что не расклеюсь окончательно.

В его доме я пережила много унижений, но там уже все знакомое и привычное. А снимать комнату у каких-то незнакомых людей (и хорошо, если людей!)... Мне было страшно.

— Дура, — припечатал господин Мандор, но как-то по-доброму. — Ты что, не понимаешь, что о тебе подумают, если ты будешь жить в доме холостяка?

— Но я же и так у вас жила! — Я вскинула на него удивленные глаза.

— Ты была служанкой, — объяснил он спокойно. — Это совсем другое.

— Ясно, — только и сказала я, хотя мало что поняла.

— Разберешься. — Он хмыкнул и приказал: — Иди за мной.

Господин Мандор спешил. Уверенно нырял в какие-то переулки, пересекал дворы, отыскивал почти незаметные калитки в оплетенных виноградом и плющом изгородях.

А я плелась за ним, глаза по сторонам, как ребенок в зоопарке.

Как все необычно и интересно! Прохожие явно привыкли и к деловитым гномам, и к высокомерным эльфам. Даже на кентавра никто не оглядывался!

— Пойдем быстрее! — недовольно велел господин Мандор, отвлекая меня от созерцания получеловека-полулошади.

Наконец мы пришли к чему-то, что ужасно напоминало домик ведьмы: высоченный забор с черепами на кольях, унылое покосившееся строение и обугленные остовы деревьев.

Увидев это великолепие, я так резко затормозила, что господин Мандор обернулся.

— А, — усмехнулся он. Наверное, лицо у меня было потрясенное. — Испугалась?

— Нет, — покачав головой, соврала я.

Над входом висела мрачноватая вывеска с красной надписью «Последний приют».

— Не бойся, это офис моей хорошей знакомой, — заверил он и протянул руку к дверному звонку.

Я неудержимо покраснела: он был очень похож на... В общем, на часть мужского тела.

— Чего изволите? — поинтересовался возникший на пороге туманный сгусток. Смотрел он при этом почему-то поверх наших голов.

— Доложи Ариэль, что я пришел, — приказал господин Мандор.

Видимо, он был здесь частым гостем, и слуги знали его в лицо.

— Да, господин. — Призрак поклонился и просочился сквозь дверь.

Вскоре он появился снова и распахнул перед нами дверь.

— Госпожа Ариэль ожидает вас! — торжественно сообщил он.

— Благодарю. — Мой хозяин (бывший хозяин!) уверенно проследовал за призраком, как будто это было вполне в порядке вещей.

Нас проводили в комнату с занавешенными черными полотнищами стенами, а в углу на треножнике лежал череп, из глазниц которого лился мертвенный голубовато-зеленый свет.

Из кресла почти выпрыгнула женщина в темном платье.

— Мани! — воскликнула она, раскрыв объятия.

— Ари! — Господин Мандор от души обнял ее и впился поцелуем в подкрашенные алой помадой губы.

— М-р-р, — проворковала она, когда они наконец оторвались друг от друга. — Мани, зайчик, ты так давно не заходил!

— Извини, дорогая, — развел руками он. — Дела, заботы...

— Вот еще, — капризно надула губы она и поправила выбившуюся из прически рыжую прядь. — Вижу, ты дела с собой водишь?

Она кивнула на меня.

— Угадала, — вздохнул господин Мандор. — Но поверь, не по собственной инициативе. Наш общий крылатый знакомый попросил.

— О... — Женщина посмотрела на меня более внимательно. Потом нахмурилась, не глядя махнула рукой, отчего в комнате стало заметно светлее. И наконец спросила удивленно: — Попаданка?

Я сжала кулаки. Кажется, я скоро возненавижу это слово!

— Шелитту не повезло, — вздохнул господин Мандор. — Эта девица свалилась прямо ему на голову. Представляешь, оказалась в его тайном логове!

— Шутишь? — переспросила Ариэль, так неувовимо быстро приблизившись ко мне, что я отшатнулась.

— Увы, нет, — вздохнул он. — А теперь это... нужно куда-то пристроить.

Ариэль пальцем с длиннющим зеленым ногтем приподняла мой подбородок, всмотрелась и разочарованно скривилась.

— Я не возьму, — отказалась она. — Пустышка.

— Не в том смысле, — господин Мандор обхватил ее за талию, притянул к себе и попросил: — Ари, ей нужна комната. Недорого. Студентка, сама понимаешь.

— Студентка?! — Вот теперь, кажется, она действительно удивилась. — Попаданка?!

Я насупилась. Да сколько же можно меня этим попрекать?!

— Да! — Я гордо подняла голову. Плевать, пусть господин Мандор ругается. Надоело быть бессловесным существом! — Я буду учиться на юридическом!

— М-да, — сказала она и понимающе переглянулась с господином Мандором. — Хорошо, сейчас что-нибудь найдем.

Покачивая бедрами, она направилась к светящемуся черепу. Уселась в кресло рядом с ним (на подлокотнике устроился господин Мандор) и, ткнув пальцем в пустую глазницу, всмотрелась в засветившееся красным пламя.

— Так, сдается склеп в черте города недорого... Это нам не подходит. Не подходит же? — Она взглянула на меня, и я торопливо замотала головой. — Ладно. Так, молодой сатир ищет здоровую девушку без комплексов... Не годится. А, вот. Супружеская пара сдаст комнату студентам. Недорого. Хм, тут просят гарантировать порядочность и чистоплотность. Зайчик, ты подтвердишь? Сам понимаешь, иначе попаданку не возьмут.

— Хм... — Господин Мандор задумался, потом махнул рукой: — Ладно, напишу ей рекомендацию. Берем.

— А как они узнают, что я попаданка? — не выдержала я.

— Да все просто, малышка. — Она отвлеклась от шара и оглянулась на меня. — В тебе нет ни капли магии, а такие путешествовать между мирами не могут. И у нас таких не бывает, разве что кто-то сюда закинет.

Следующие три дня слились для меня в сплошную череду событий.

Для начала мы с господином Мандором отправились посмотреть квартиру.

«Типовая планировка, совмещенный санузел, зато приличный район!» — как выразилась Ариэль.

Риелторы везде одинаковы!

— Ты Алевтина? — с ходу поинтересовалась открывшая дверь женщина. — А вы господин Мандор, да? Пр-р-роходите, госпожа Ар-р-риэль пр-р-росила показать вам квар-р-ртиру.

«Р» она произносила раскатисто, как рык. Хотя, наверное, для орчанки это совсем неудивительно.

— Ага, — согласилась я, зачарованно ее разглядывая.

Невысокая, склонная к полноте, с цветом волос «бешеный баклажан», который умопомрачительно сочетался с зеленой кожей и веселеньким розовым халатом.

— Я — Гадр-р-рка, а мой муж — Р-р-рар-р-ргош! — сообщила она, впустив нас в прихожую. — А ты попаданка, да?

Я уже смирилась, что это слово — как клеймо.

— Да, — пробормотала я, стаскивая туфли.

— Я за нее ручаюсь, — вмешался господин Мандор. — Алевтина жила у меня два месяца.

Правда, он умолчал, что жила я у него в качестве служанки.

— Ну, ладно. — Тон у моей будущей квартирной хозяйки был не очень-то радостным.

Квартира оказалась неплохой. Чисто, ремонт явно сделан недавно, в «моей» комнате аккуратный балкончик, украшенный цветочными горшками. Еще одна комната, кухня, коридор и тот самый совмещенный санузел...

Договорились мы быстро.

Перевозка вещей тоже не отняла много времени. У меня попросту почти нечего было перевозить.

Потом — в деканат за студенческим билетом, регистрация по месту жительства, муторная очередь за «подъемными», покупка кое-каких бытовых мелочей...

Так что мой первый учебный день начался с судорожных сборов. Проспала!

К институту я подбежала взмыленная, с выпученными глазами и языком на плече. И все равно, как оказалось, опоздала.

Почти все места в актовом зале давно заняли более расторопные студенты, а мне пришлось устраиваться на галерке.

Все совсем не так, как было два года назад. Ни родителей, ни друзей, ни торжественной клятвы студента. Только чужие люди и нелюди вокруг, слушающие выступление какого-то лысого типа.

— Стать юристом, — с трибуны вещал какой-то солидный дядечка, поглядывая на новоявленных студентов поверх очочков в золотой оправе, — не так просто. Да-да, не так

просто! Нельзя выучить наизусть все кодексы и на этом сомнительном основании считать себя юристом. Да-да, нельзя! Настоящий юрист должен помнить, что практика — основа основ и краеугольный камень его профессии!

Я вслушивалась в его речь, журчащую неторопливым ручейком, и с ужасом понимала, что снова «попала».

Здесь все было совершенно по-другому!

Каждого студента-юриста закрепляют за куратором, который должен максимально активно задействовать подопечного в своей юридической практике. Студент обязан был помогать наставнику во всем, заодно приобретая опыт и набираясь ума-разума.

В институт студенты приходят только изредка, на читку лекций и экзамены.

Через два года студенты получают дипломы юристов второй категории, которые дают право на любую деятельность, кроме непосредственного участия в судах и нотариальных действий.

Желающие могут отучиться еще три года, после чего будут считаться уже специалистами первого класса.

В общем-то, это логично — таким образом выпускники уже имеют реальный опыт по своей специальности, а не бесполезный багаж теоретических знаний.

Но я ведь никогда не работала! А это ведь будут не учебные задачи, а реальные дела!

После торжественной части всем будущим юристам велели заглянуть в деканат за распределением...

На свое первое практическое занятие я шла, с трудом подавляя панику.

К счастью, контора госпожи Громовой была неподалеку от моего дома, так что хотя бы не пришлось плутать по городу. Воздух уже был по-осеннему свеж, и небольшая прогулка пошла мне на пользу.

Наконец я увидела нужный дом: небольшой, двухэтажный, удивительно изящный. Белоснежные стены с голубой отделкой создавали впечатление легкости и невесомости.

Дом совсем не был похож на контору юриста, скорее на воздушный замок. Честное слово, даже дверной звонок был невероятно элегантным!

Вполне под стать дому был и мужчина, который открыл дверь. Высокий голубоглазый блондин в строгом темно-синем костюме.

— Доброе утро, я — Алевтина Звонарева.

— Я — Стэнли Клейбор, секретарь госпожи Громовой, — отрекомендовался он. — Можете называть меня просто Стэн. Проходите.

И посторонился, пропуская меня в холл — просторный, светлый, обставленный со вкусом и даже претензией на шик.

Я шла за Стэном, стараясь не слишком откровенно глазеть на всю эту красоту. Все настолько красиво и величественно, хоть проси сменную обувь!

— Это библиотека госпожи Громовой, — тоном опытного экскурсовода сообщил он, открыв очередную дверь.

Я ждала, что дальше он начнет рассказывать что-то вроде: «Посмотрите направо. Здесь вы увидите...», но обошлось без лекций.

Просторную комнату почти сплошь занимали книги: они громоздились на стеллажах, лежали на столе и диване, были стопками сложены на подоконнике. Видно, что библиотека в этом доме не показушная, здесь действительно много читали.

— Вы можете подождать здесь, — ровно произнес Стэн, глядя мимо меня. — Госпожа

Громова в данный момент занята и сможет принять вас только через четверть часа.

— Понятно, спасибо, — пробормотала я.

— Не за что. — Он слегка поклонился и, выйдя, тщательно прикрыл за собой дверь.

Я послушно присела в кресло и чуть не подскочила до потолка, ощутив под попой что-то твердое.

Встала, отогнула покрывало и вытащила увесистый том. Хм, интересно, о чем он?

Обожаю читать! Обширная библиотека господина Мандора почти примирила меня с беспорядком в его доме.

В общем, я была так погружена в книгу (ах, какие там были иллюстрации!), что и не заметила, когда открылась дверь.

— Рада, что вы до такой степени увлекаетесь чтением, — заметил мелодичный женский голос. — Однако игнорировать присутствующих не подобает.

— Извините! — Я мгновенно отложила книгу и вскочила.

На пороге стояла невысокая миловидная женщина в простом черном наряде. Ни косметики, ни украшений — сама суровость и жесткость.

Тем не менее она была красива, как изящная статуэтка. Или, скорее, как драгоценный камень в лаконичной оправе платья.

— Насколько я понимаю, вы Алевтина Звонарева? — поинтересовалась она ровно. — Я — Элеонора Громова, ваш куратор.

— Да, это я. В смысле, я — Алевтина Звонарева. — Почему-то в ее присутствии я совершенно растерялась. — Э-э-э... Очень приятно!

Женщина кивнула.

— Вы должны понимать, что я не потерплю непрофессионализма и манкирования своими обязанностями. Надеюсь, это понятно?

— Да. — Я с трудом сглотнула. — Понятно, госпожа Громова. Я буду стараться!

— Превосходно. Тогда первый вопрос: вы девственница?

Мне показалось, что я ослышалась.

— Простите, что?!

— Что именно непонятно? — нахмурилась куратор. — Разумеется, я подразумеваю ваш физический статус. Вы девственница?

Я покраснела, как помидор, и сконфуженно кивнула.

— Замечательно! — сдержанно обрадовалась госпожа Громова. — Тогда для вас есть задание. Вы готовы?

Я вновь кивнула, на этот раз испуганно. Как, неужели сразу задание? Я же не умею!

— Следуйте за мной, — велела она и направилась к выходу. Я, конечно, поплелась следом.

Госпожа Громова привела меня в маленькую комнату, неожиданно серую и безликую. Стол, стул, шкаф в углу, бежевый ворсистый ковер на полу — вот и вся обстановка.

— На столе вы найдете бумаги, необходимые для оформления купли-продажи, а в ящике имеется сборник типовых договоров. Ваша задача составить черновик договора и передать его Стэнли. Все должно быть готово завтра. Вам все понятно?

— Понятно, — ответила я, изо всех сил стараясь казаться уверенной.

Ну ладно, теорию я вызубрила, но практики у меня никакой!

Госпожа Громова, казалось, не заметила моего страха.

— Тогда приступайте. — С этими словами она направилась к выходу и взялась за

дверную ручку. — Да, вот еще, — спохватилась она, — в конце коридора в чулане находится единорог. Вам нужно напоить его, накормить и расчесать. Поскольку вы девственница, проблем это вызвать не должно.

Выдавить из себя хоть слово не получилось, да госпожа Громова и не ожидала ни вопросов, ни тем паче отказа. Она вышла из комнаты, мягко притворив за собой дверь, а я осталась стоять посреди комнаты в полном шоке. Мапочки! Единорог, настоящий, живой единорог!

Не знаю, сколько я так простояла, но в конце концов чувство ответственности пересилило. Я подошла к столу, уселась на жесткий стул и достала из ящика потрепанную книжку, озаглавленную «Образцы типовых договоров».

Так, где тут у нас купля-продажа? А, вот!

И я углубилась в изучение образцов. А ведь еще и заметки госпожи Громовой — на трех листах мелким почерком!

Чем больше я читала, тем больше мне не нравилась суть договора. Оказывается, продавали того самого единорога! Как можно так потребительски относиться к волшебным существам?!

Я вчитывалась в сухие юридические формулировки. Если судить по типовому договору, единорог мог выходить на улицу только в сопровождении хозяина, притом в ошейнике и на поводке! Раз в год хозяину позволялось срезать у единорога кончик рога и четырежды в год — нацедить у бедняги по два стакана крови! А еще на несчастную легенду накладывалось обязательство спариваться (слово-то какое!) с другим единорогом, подобранным хозяином. А дальше приводился порядок раздела потомства!

Как будто о кошечке какой-нибудь!

Это было так нелепо, так несправедливо!

Я захлопнула сборник и решительно направилась к чулану...

Единорог был волшебен: белоснежное тело, шелковистая грива, нежное сияние, окутывающее его пуховой шалью...

Я решительно распахнула дверь пошире и скомандовала:

— Выходи! Давай быстрее, пока они не видят!

— Куда это еще? — лениво поинтересовался единорог, даже не думая вставать, и хлестнул хвостом, отгоняя наглую муху.

Пахло от него совсем не волшебным, обычным навозом и шерстью.

— Как куда? — опешила я. — На свободу!

Единорог посмотрел на меня как на идиотку.

— А что я там забыл, на этой твоей свободе?

— Как что?! — растерялась я. — Свободу!

— Ага, — фыркнул он. — А еще равенство и братство. Ты что, решила, что меня насильно продают?

— Ну а как еще могут продавать?! Ты же не вещь!

— И правда решила, — констатировало сказочное животное, потягиваясь. — Ты откуда такая наивная взялась? А впрочем, ладно. Девочка, ты где в наше время видела свободного единорога?

— Я вообще-то не местная, — смутилась я. — Единорогов никогда не видела. Ну, до сегодня.

— А, тогда понятно, — хмыкнул он. — Да стоит мне появиться на улице без ошейника и

хозяйина, как меня мгновенно кто-нибудь прийдет. Ты хоть знаешь, сколько стоят мои рог, кровь и шкура?! А хозяин обо мне заботится!

Я слушала и не могла поверить. Его продают в рабство, а он совсем не против!

— Но... Но так же нельзя!

Единорог посмотрел на меня с жалостью, как на неизлечимо больную.

— Ты бы хоть договор полностью прочла! Он же трехсторонний, и моя подпись там тоже будет стоять. Ну что я, дурак отказываться? Хозяин меня должен кормить, построить отдельный вольер, защищать от браконьеров... В общем, мне прекрасно живется, — он фыркнул, — в неволе!

— Понятно, — разозлилась я. — В золотой клетке привычнее.

— Само собой, — ничуть не смутился он. — И вообще, тут за мной ты ухаживать будешь, а где я на свободе девственницу найду?!

Над этой проблемой я как-то не задумывалась.

— Подожди, а как же вы в дикой природе жили? Ну, без девушек?

— Как-то жили. — Он потянулся, встал и почесал рог о притолоку. — Так и вы, люди, когда-то бегали в шкурах и с дубинками. Не хочешь попробовать?

И подмигнул нагло.

— Понятно. — Я вздохнула. Не сказочный персонаж, а сплошное разочарование! — Ладно, тогда я пойду.

— Ага, только воды принеси! — велел он капризно. — Эта уже нагрелась. И гриву надо вычесать.

— Ладно, — согласилась я, вспомнив, что госпожа Громова велела за ним ухаживать. — Сейчас только найду воду и вернусь...

Я тихонько заглядывала во все комнаты подряд в поисках Стэна. Беспокоить куратора по таким пустякам не стоит, а вот секретарь наверняка поможет.

Предпоследняя дверь вела в большую и очень светлую комнату, оформленную в элегантных бежево-коричнево-золотистых тонах.

При звуке скрипнувшей двери сидящий за столом Стэн поднял голову.

— Да? Вы что-то хотели? — осведомился он.

— Ага, — немного смущенно кивнула я, — покажите мне, пожалуйста, где взять воду и все остальное. Ну, для единорога.

— Разумеется, — согласился он, вставая. Ух, какие широкие плечи!

Через полчаса я, нагруженная припасами, вернулась в кладовку.

— Наконец-то! — соизволил поднять голову единорог. — Чего так долго?

— Как смогла! — огрызнулась я. — Слушай, не капризничай, а?

Он фыркнул смешливо и согласился неожиданно мирно:

— Ладно. Что ты там принесла? Давай сюда!

Выставив перед ним принесенную воду и насыпав корм в миску, я некоторое время наблюдала, как он ест, а потом шумно пьет из таза.

— А теперь расчеши мне гриву, — насытившись, скомандовал он. — А я тебе за это сказку расскажу.

— Я же не маленькая, чтобы слушать сказки! — оскорбилась я, вынимая из сумки специальный лошадиный гребень.

— А я расскажу тебе сказку для взрослых, — пообещал он, укладываясь на пол. — Ну, давай!

И я взялась за гребень...

Рассказывать он и правда умел. Перед глазами вставали величественные картины сражений и подвигов, приключений и истинной любви.

А он говорил и говорил, слова лились водопадом и порхали бабочками, гремели набатом и звенели колокольчиками...

Пришла в себя я от обыденного:

— А тебе бумагами заниматься не пора?

— А? Что? — встрепелась я и всполошилась: — Ой, да!

И бросилась в кабинет...

В голове все еще был туман древних сказаний и легенд, так что сухие строки договора никак не желали выстраиваться во что-то осмысленное.

Пришлось распахнуть окно и минут пять подышать свежим воздухом, глядя на суетливых прохожих и проезжающие экипажи.

Как мне хотелось просто погулять по городу, разглядывая памятники и скверики! А еще интереснее сами жители города. Кого там только не было! Феи, гномы, эльфы, даже рыцарь проскакал, громохвая железом!

Все, работать!..

Спустя час я вручила Стэну текст договора. Надеюсь, я ни в чем не ошиблась?

Бегло просмотрев мои записи, он никаких замечаний не сделал, лишь обещал перепечатать и передать госпоже Громовой.

А я, воровато оглядевшись, проскользнула в каморку к единорогу...

Но это наглое животное наотрез отказалось еще рассказывать сказки!

Вместо этого он принялся жаловаться на жизнь.

— Если бы ты только знала, как мне надоело, — сетовал он, млея под моими руками, — что за мной ухаживают девочки лет десяти!

— Почему это? — не поняла я, старательно заплетая гриву в косички.

— Да потому что эти поганки так и норовят с кем-то переспать! — возмутился он и выгнул шею. — Почешу за ушком, а? Ага, там. И левее...

— Что, прямо в десять лет?! — не поверила я, послушно почесывая мягкую белую шкуру.

Единорог совсем по-кошачьи урчал.

— Ага. — Он хлопнул себя по боку хвостом. — У нас так принято. Девственниц же не только единороги любят! Их и нечисть отлавливает.

— Что, серьезно?! — немного испугалась я.

Хотя, если честно, в нечисть до сих пор не верилось. Ну понятно, что мир другой, но что тут, черти по улицам ходят?!

— Ага, — снова подтвердил единорог. — Вот и приходится довольствоваться малолетками. К тому же они так часто меняются, я и привыкнуть не успеваю толком!

Единорог тяжело вздохнул и опустил голову, так что длинная грива почти полностью прикрыла морду.

— Слушай, — встрепенулся он, — а у меня идея! Давай я уговорю хозяина взять тебя на работу!

От такого предложения я оторопела.

— В смысле? Кем?

— Ну ухаживать за мной будешь! Платят неплохо, и работа несложная. Соглашайся!

— Нет! — не раздумывая, отказалась я. — Если я брошу институт, второй раз точно не поступлю!

— Дался тебе этот институт, — недовольно сказал он. — Можно подумать, без диплома нельзя работу найти.

— Ага, и всю жизнь быть... — «конюхом», хотела сказать я, но прикусила язык: — девственницей! Я вообще-то замуж хочу. Ну, когда-нибудь.

— Ну как хочешь, — разочарованно скривился он.

Остаток дня я провела с единорогом, то слушая его побасенки, то рассказывая о своей прежней жизни...

Наконец мой первый рабочий день закончился.

Я шла домой, напевая под нос какую-то веселую песенку и с любопытством поглядывая по сторонам. И так увлеклась, что налетела на какого-то прохожего.

— Ой! — Я покачнулась и панически взмахнула руками. Какие же неудобные эти длинные узкие юбки!

— Осторожно. — Мужчина поддержал меня за талию. — Синяки и царапины не пойдут такому симпатичному личику.

Я подняла на него глаза и обомлела. Какой красавец! Высокий смуглый брюнет улыбнулся, и у меня закружилась голова...

— Как ваше имя, очаровательное создание? — мягко продолжил он.

Я смутилась и отчаянно покраснела.

— Алевтина, — с трудом выдохнула я.

— А меня Астарт, — представился он. — Куда вы так торопитесь?

— Домой.

— Так рано домой? — удивился брюнет. — Такая красавица, как вы, не должна сидеть дома в такой чудесный вечер! Давайте прогуляемся?

— Давайте, — поспешно согласилась я.

Сопротивляться его обаянию не было ни сил, ни желания...

И мы отправились гулять.

Сумерки пахли виноградом и персиками. И сладко замирало сердце от низкого голоса Астарта, от жара его рук, от смешка на уху...

В уютных сумерках парка мы впервые поцеловались. И от жадных касаний горячих губ так кружилась голова...

— Пойдем ко мне, — предложил он, осторожно прикусив нежную кожу шеи.

— Пойдем, — согласилась я, отчаянно цепляясь за него.

Ноги подкашивались, все вокруг словно заволокла дымка, и в моей голове не осталось не единой связной мысли.

Он подхватил меня на руки и куда-то понес.

И ночь закружила калейдоскопом. За спиной хлопнула дверь. Вот прохладные простыни коснулись горячей кожи. Вот губы Астарта, кривящиеся в торжествующей усмешке...

Но мне уже было все равно. Мыслей совсем не осталось, только странный жар и гремящий набатом пульс...

Из забытья меня выдернули прикосновения Астарта.

Я с трудом разлепила глаза.

Похоже, уже утро. Из-за неплотно задернутых штор брезжил свет.

Как же я устала... Все тело как будто ватное, нет сил даже поднять руку...

— Который час? — Голос звучал сипло, надтреснуто, слова с трудом срывались с сухих потрескавшихся губ.

— Около девяти, — откликнулся Астарт, не прекращая меня ласкать.

А мысли текли сонно, вяло.

Девять. А я совсем не выспалась. Надо вставать...

— Я же на работу опоздаю! — прохрипела я в ужасе, пытаюсь подняться.

— Ну и что? — недовольно спросил Астарт. — Сдалась тебе та работа! Останься со мной.

Какой завораживающий у него голос! А глаза затягивают водоворотом, лишают воли...

— Нет, — тряхнула головой я. Голова отозвалась болью, а волосы казались тяжелыми и как будто тянули вниз. — Прости, я... Мне надо идти. Опоздаю.

И потеряла глаза, стараясь заставить себя проснуться. Неловко, бочком, сползла с кровати.

— Ты меня совсем не любишь? — спросил сидящий на постели Астарт.

— Люблю, — прошептала я.

Какой же он красивый! Как тянет вернуться к нему. И плевать на работу!

Но госпожа Громова, институт, мои надежды!..

В общем, я оделась и поплелась на работу.

Астарт был недоволен, но поцеловал меня на прощание и обещал встретиться вечером — на том же месте, в тот же час.

Как и вчера, открыл мне Стэн.

— Доброе утро, — произнес он чопорно. Потом посмотрел на меня и удивленно приподнял брови. — Алевтина, вы здоровы?

Я ухватилась за такое удобное объяснение.

— Немного приболела, — хрипло сказала я и кашлянула пару раз.

Я украдкой бросила взгляд на свое отражение в большом зеркале, висящем в прихожей.

Да уж, вид еще тот! Воспаленные красные глаза глубоко запали, кожа нездоровая, желтоватая и сухая, кое-как расчесанные волосы...

Может, и правда заболела? Я потеряла ладонью лоб и решила для начала проведать единорога.

При виде меня он приветливо заржал... и вдруг, вскочив, наклонил рогатую голову и угрожающе выставил вперед рог.

— Что такое? — невольно попятилась я. — Ты озверел?

— Что такое?! — взвизгнул он. — Это ты у меня спрашиваешь?! Ты же еще вчера была девственницей!

Я сглотнула. И ведь даже не подумала, что ночь с Астартом повлечет такие проблемы!

Но сделанного не воротишь.

Голова болела все сильнее, боль как будто разрасталась, пульсируя и вспыхивая.

Я прикрыла дверь в кладовку и неохотно направилась в приемную. Конечно, моя жизнь — это мое личное дело, но объясняться с куратором совсем не хотелось...

— Алевтина? — удивилась госпожа Громова, отвлекаясь от густо исчерканных листов. — Что-то случилось?

— Случилось, — призналась я сдавленно. Голос казался чужим, а от яркого света, заливающего кабинет, болели и слезились глаза. — Понимаете, я... Я не могу больше ухаживать за единорогом.

— Присаживайтесь, — предложила она со вздохом, откладывая ручку. — Понимаю, что вы не ожидали столь, хм, низменного занятия, как уход за животным. Однако...

— Нет, дело совсем не в том! — не выдержав, перебила я. — Просто я теперь не могу, понимаете? Ну, после сегодняшней ночи...

— Вот как? — Она приподняла бровь и заметила холодно: — Не ожидала, что вы столь легкомысленны!

— Извините, я не хотела, чтобы так получилось. Но я его люблю!

Госпожа Громова внимательно посмотрела на меня и сказала, кажется, с жалостью:

— Разумеется. Любите. Что же, судя по вашему внешнему виду, вы не спали всю ночь и сейчас крайне нуждаетесь в отдыхе. Можете идти домой. Однако завтра вы должны быть в адекватном состоянии и способны работать. Вам понятно?

— Конечно, госпожа Громова!

Красная, как рак, я выскочила за дверь, прислонилась лбом к прохладной стене...

Как все запуталось! Я так хотела учиться, так мечтала, что докажу госпоже Громовой свою полезность! А вместо этого чуть ли не в первый день так ее подвела. Но разве я правда жалею о встрече с Астартом?! Ничуть не жалею!

От одной мысли о нем кружилась голова и становились ватными ноги. И ужасно, почти невыносимо тянуло к нему...

Наверное, это судьба, что я оказалась в этом мире и встретила с ним. Это стоило всех испытаний!

Не открывая глаз, я улыбнулась. И отправилась домой — отсыпаться и приводить себя в порядок...

Квартирная хозяйка встретила меня неодобрительно. Пришлось соврать что-то насчет ночевки у подруги.

И, если честно, я ужасно жалела, что никакой подруги на самом деле нет. Здесь я для всех чужая, даже поговорить толком не с кем. Не буду же я откровенничать со Стэном, господином Мандором или госпожой Громовой! А однокурсники водиться со мной не желали. Я была попаданкой, а значит, отщепенкой...

С такими нерадостными мыслями я улеглась на свой диван, накрылась пледом и провалилась в сон.

Проснувшись я резко, как будто включилась, и прислушалась к своему самочувствию. Противная слабость прошла, голова уже почти не болела, даже мышцы бедер перестали ныть.

Как хорошо! Я с удовольствием потянулась, бросила взгляд на часы... и, охнув, вскочила. Я же опоздаю на встречу с Астартом!

Как я ни торопилась, все равно минут на десять опоздала. Вылетев на знакомую улицу, я невольно замедлила шаг. Астарт на месте не оказалось!

Ну не мог же он так разобидеться из-за небольшого опоздания. Наверно, что-то случилось.

Не находя себе места от волнения, я около получаса бродила по этой самой улочке...

Нет, бесполезно. Надо пойти к нему домой. Дорогу я помнила смутно, зато перед глазами стояла табличка с названием улицы. Вот и знакомая дверь...

Я позвонила, пытаюсь унять бешеный стук сердца. От волнения у меня вспотели ладони и громко бился пульс в висках. Я вот-вот увижу Астарта! Сейчас это казалось самым важным, самым нужным, а все остальные мечты и желания словно подернулись пеплом.

Рывком распахнулась дверь. Радостное приветствие застыло у меня на губах. Открыл мне какой-то незнакомый мужчина.

— Может, это слуга? Но нет, на слугу он ничуть не походил: расстегнутая почти до пупа рубашка открывала грудь, поросшую рыжим волосом, в зубах у незнакомца дымились сигарета.

— Тебе кого, милашка? — спросил он, окидывая меня взглядом с ног до головы.

— Астарта, — пискнула я, вдруг сообразив, что уже стемнело, а мужчина кажется опасным. К тому же от него несло перегаром и потом.

— Это еще кто? — глубоко затянувшись, поинтересовался он.

— Как это — кто? Хозяин этого дома!

Мужчина ухмыльнулся.

— Хозяин этого дома я, лапушка.

— Нет, не может быть! Вчера...

— Вчера, — перебил он, — мой домик снял какой-то хлыщ. Заплатил хорошо, так чего б мне не согласиться?

— А... Где он сейчас?!

— Откуда мне знать? — вопросом на вопрос ответил он. Потом неприятно усмехнулся: — Кажется, тебя облапошили, милашка. Но если хочешь, можешь остаться со мной. Уверю тебя, тебе понравится.

Я уже не слушала. Развернулась и побрела прочь.

Нет, такого не может быть, это ошибка! Мы ведь любим друг друга!..

Астарт не объявился ни на второй день, ни на третий.

После работы я бежала на место встречи и ждала там до позднего вечера. Тщетно, от Астарта не было никаких вестей.

Госпожа Гадрка смотрела на меня все подозрительней и все меньше верила в мою путаную ложь о больной подруге и массе дел...

— Алевтина, вы не могли бы... — с порога начала госпожа Громова и умолкла.

Я подняла заплаканное лицо, потерла глаза, которые горели огнем от долгих слез.

— Да, госпожа Громова? — тускло сказала я.

Ничего не хотелось, ни на что не было сил.

— Алевтина, что случилось? — неожиданно мягко спросила куратор, присаживаясь напротив.

Я молча помотала головой, но она и не думала отступить.

— Видите ли, — задумчиво проговорила она, сложив пальцы домиком, — я полагала, что вы достаточно интересная личность, раз рискнули пойти против общепринятых представлений о попаданках. Однако мне уже кажется, что я слишком переоценила вас. Согласитесь, я была с вами терпелива, но всему есть предел.

— Я... я просто... — Голос дрогнул, и я замолчала, стараясь собраться с силами. — Ладно, я расскажу...

Когда рассказ был закончен, госпожа Громова некоторое время молча смотрела на меня. По ее непроницаемому лицу не понять было, как она все это восприняла.

Наконец она встала, отошла к книжному шкафу, рассеянно коснулась корешков книг. И спросила, не оборачиваясь:

— Постарайтесь припомнить, была ли у вашего возлюбленного большая родинка в виде перевернутой пятиконечной звезды? Вероятнее всего, на груди.

— Да! — от удивления я икнула и прикрыла рот рукой. — Ой, извините!

— Ничего страшного, — рассеянно отозвалась она. — У меня возникло срочное дело. Будьте добры дождаться меня здесь.

— Конечно, госпожа Громова! — пообещала я, недоумевая.

Странное поведение куратора даже заставило меня ненадолго очнуться от апатии...

Вернулась госпожа Громова в сопровождении высокого пожилого мужчины, виски которого уже убелила седина.

— Алевтина, это господин Тепенов, — отрекомендовала она. — Будьте добры изложить ему то же, что рассказали мне.

— Хорошо, — растерялась я, стараясь незаметно вытереть заплаканные глаза. А еще от слез заложило нос, и голос звучал противно, гнусаво.

От взгляда госпожи Громовой это не укрылось, и она молча подсунула мне носовой платок.

Я благодарно кивнула, и куратор вышла, осторожно притворив за собой дверь...

Господин Тепенов оказался отличным собеседником — молчаливый, внимательный, он не мешал мне выговориться и не перебивал вопросами. И только когда я окончательно замолчала, борясь со вновь подступающими слезами, он уточнил:

— Скажите, на момент вашей... эээ... встречи с господином Астартом вы были девственницей?

— Да, — кивнула я. Слово «были» неприятно резануло слух.

— И кто-то может это подтвердить? — серьезно спросил он.

Я сдержала нервный смешок. Интересно, как он представляет себе свидетелей девственности?!

— Жаль, — нахмурился он. — Тогда будет сложнее доказать.

— Что доказать?! — не поняла я, и тут меня озарило: — Подождите, был же единорог! Ну, в смысле, я ухаживала за единорогом. Ну, накануне...

Я сбилась и замолчала. А глаза опять на мокром месте!

— Отлично! — просветлел господин Тепенов. — Тогда пишите заявление.

— Какое еще заявление?! — Я была на грани истерики.

Ответить он не успел. Дверь в комнату распахнулась, и вошла госпожа Громова с полным стаканом в руке.

— Алевтина, выпейте это! — велела она строго.

От стакана пахло чем-то лекарственным.

— Сначала объясните, что происходит?! — Я скрестила руки на груди.

— Выпейте, — с нажимом повторила она. — И я все вам объясню.

Пришлось глотать мерзкую жидкость — неприятно тягучую, похожую на сопли. И вкус сладкий до приторности. Фу!

Госпожа Громова внимательно наблюдала за мной, а господин Тепенов рылся в портфеле.

— Вот и молодец, — похвалила она рассеянно, убедившись, что лекарство я допила. — Видите ли, Алевтина, в нашем мире проживают существа разнообразной природы. Некоторые из них — паразиты, например, вампиры и демоны. Разумеется, условия их проживания жестко регламентированы.

— Но при чем тут я?! — Не выдержав, я вскочила и возмущенно уставилась на начальницу. — Госпожа Громова, вы же обещали мне все рассказать!

— Имейте терпение, — невозмутимо ответствовала она. — Вы не дослушали. Итак, нечисти дозволено проживать в нашем мире при соблюдении определенных правил. Например, инкубы и суккубы не должны выпивать человека полностью, не должны соблазнять невинных и так далее. За такие действия предусмотрена уголовная ответственность.

Она замолчала, глядя мне в лицо спокойными темными глазами.

— И? — холодея, не выдержала я. Сжала руки так, что ногти впились в ладони.

— К сожалению, именно девственницы — и девственники, разумеется, — наиболее привлекательны для нечисти, поскольку весьма... хм, соблазнительны в энергетическом плане. А демонам для существования крайне необходима такая подпитка. И, к слову, одной из особых примет всех инкубов является родинка в виде пятилучевой звезды. Я сожалею.

Минуту я тупо смотрела на нее.

«Подпитка»? Нет, я не верю! Пусть даже Астарт лишь переспал со мной, пусть бросил, но... Использовал как живую батарейку?!

— Вы напишете заявление? — вмешался господин Тепенов. В его деловитом голосе сочувствия не было.

— Что? — Я повернулась к нему, силясь понять, чего от меня хотят.

— Вы напишете заявление? — повторил он ровно. — Я из милиции. Следователь по особо тяжким.

— Алевтина, — вмешалась куратор. — Вы ведь понимаете, что теперь этот инкуб не остановится? Могут пострадать другие девушки.

Передо мной словно встал облик Астарта, до боли реальный и притягательный. Жгучие черные глаза, чуть вьющиеся темные волосы, кривящийся в улыбке рот...

И эта долгая-долгая неделя... Нет, нельзя позволить, чтобы с другими случилось то же самое!

— Напишу! — пообещала я, прикрывая глаза, и до боли прикусила губу...

Глава 3

О феях, магических наркотиках и трудовых правах зомби

Следующие две ночи я тихо проревела в подушку. Днем плакать было некогда — госпожа Громова нагружала меня так, что на перекус приходилось урывать время между очередными бумагами.

Я строчила всевозможные письма, инструкции и отчеты (а ведь это наверняка работа Стэна!), но не роптала. Стоило остановиться на минутку, задуматься, и из глаз тут же начинали капать слезы.

Конечно, плакать бессмысленно. Но как же обидно! Инкуб провел меня, как малолетнюю дурочку, а я ведь думала, что это настоящая любовь!

Целый месяц я крутилась как белка в колесе, пытаясь подтянуть свои знания, успеть все на работе и обустроить быт.

С последним мне здорово помогла госпожа Гадрка, которая отлично знала, где совершать покупки подешевле, когда распродажи и что лучше закупать оптом. Они с мужем пропадали на даче, где торопились собрать урожай и строили домик для старшего сына, которого госпожа Гадрка все мечтала женить.

А я пользовалась отсутствием добрейшей домохозяйки, чтобы подобрать себе гардероб. Потому что единственная попытка пройтись по магазинам одежды с госпожой Гадркой провалилась с треском.

— Алевтина, не покупай это! — басыла она, дергая меня за рукав приталенного темно-вишневого платья. — Это позор-р-рище! Пр-р-риличные девушки так не одеваются!

— Ладно, госпожа Гадрка, — неохотно согласилась я, стягивая приглянувшееся платье. — У меня голова разболелась. Я сейчас переоденусь, и пойдем домой, ладно?

— Свекровь? — понимающе прошептала девушка-продавщица, которая помогала мне с примеркой.

— Хуже! — мрачно ответила я.

— Строгая она у тебя.

— Ага. — Я вздохнула. — Слушайте, а можно это платье отложить? Ну, на день-два?

— Да легко! — Девушка понимающе мне подмигнула.

Конечно, я совсем не обязана одеваться по указке госпожи Гадрки. Но проще было купить платье втихомолку, чем с ней спорить...

Постепенно я купила все необходимое, и уже не приходилось довольствоваться единственным платьем. Теперь мне всего хватало. За исключением разве что свободного времени, которое оказалось в остром дефиците.

Кроме работы и хозяйственных дел, приходилось еще бегать в институт на лекции. Конечно, многое придется потом читать самостоятельно, но преподаватели хотя бы очерчивали примерный список вопросов, понятий и литературы...

Я клевала носом над тетрадкой по гражданскому процессу, когда краем уха слышала перешептывания за спиной. Преподаватель расхаживал по аудитории, что-то рассказывая приятным низким голосом.

— Ох, какие же у него волосы! — вздыхала одна студентка.

— Да ладно, волосы! — подхватила ее соседка. — Ты на его плечи посмотри! Обожаю широкие мужские плечи!

— Ага, — фыркнула сидящая рядом со мной зеленоволосая нимфа, что-то быстро рисуя в тетради. — То есть вы обе до сих пор считаете, что в мужчине главное — волосы и плечи? Скажу вам по секрету, у них еще кое-что есть...

Я не выдержала и хихикнула.

— Ах, ты... — взвилась девица сзади, но высказаться ей не дали.

— Девушки, вижу, вам неинтересна лекция? — поинтересовался преподаватель, остановившись рядом. — Если так, я никого не держу!

— Нет, господин Бышков! — Его поклонница с заднего ряда вспыхнула, глядя на него преданными глазами. — Мы просто... обсуждали ваш рассказ, вот!

— Очень рад, что вас так интересует мой предмет, — с непередаваемой иронией произнес господин Бышков. — Уверен, вы не откажетесь написать по нему реферат...

— Да! — выдохнула девица ликуя, видимо, вообразив, что таким образом преподаватель предлагает ей встретиться наедине.

— И сдадите его профессору Мандельси, — закончил господин Бышков.

— Но... но... — Девица беспомощно захлопала густо накрашенными ресницами и поникла, как фикус без полива.

Замена красавца господина Бышкова на пожилого домового ее явно не устраивала, но не скажешь же об этом прямым текстом?!

— На этом все, — усмехнулся господин Бышков и быстрыми шагами направился к доске. — Итак, порядок отвода судей следующий...

Рассказывал он, кстати, интересно, перемежая сухую теорию примерами из своей практики. Да еще и с тем специфическим черным юмором, который присущ обычно только юристам и врачам...

До обеда я просидела в институте, а после, перехватив по дороге пирожок, помчалась на работу.

— О, Алевтина, это вы, — сказала госпожа Громова, выглянувшая посмотреть, кто пришел.

— Да, — подтвердила я, торопливо дожевав последний кусок. В ней было что-то такое, что заставляло вытягиваться по стойке «смирно». — Здравствуйте, госпожа Громова!

— Здравствуйте, — кивнула она без улыбки. — Пойдемте ко мне в кабинет.

— Конечно! — Я вопросительно посмотрела на Стэна, но его лицо было непроницаемо.

Пришлось топать за куратором, гадая, что ей могло понадобиться. Обычно задания мне передавал секретарь.

— Проходите, присаживайтесь. — Госпожа Громова чуть повела кистью, указывая на кресло возле своего стола.

В кабинете пахло розами — любимый аромат госпожи Громовой.

Странно, она всегда такая спокойная, сдержанная, отстраненно-вежливая. Ледяная! Никогда бы не подумала, что ей может нравиться такой насыщенный и сладкий запах.

Я уселась, благовоспитанно сложила руки на коленках и преданными глазами посмотрела на нее.

— Надеюсь, вы уже немного осмотрелись и привыкли к работе? — поинтересовалась она. — Вас все устраивает?

— Конечно! — быстро сказала я.

Можно подумать, я могла ответить иначе!

— Это хорошо! — сдержанно одобрила она. — Я опасалась, что история с инкубом помешает вам должным образом постигать юридические премудрости. Не краснейте, в этом не было вашей вины.

Не краснеть почему-то не получалось. Но это было лишь вступление.

— Алевтина, поймите, — продолжила куратор доверительно, чуть подавшись вперед, — я не намерена излишне травмировать вас, а потому спрашиваю. Готовы ли вы перейти от бумаг к практике?

— Конечно! — воскликнула я, наверное, слишком громко.

Как же мне надоели эти бесконечные письма, заявления и ходатайства! Наконец-то какие-то перемены!

— Я рада. — Куратор кивнула и поправила выбившуюся из прически темную прядь. — Тогда сейчас вы можете идти домой, а ровно в двадцать три часа я жду вас здесь. Рекомендую отдохнуть и переодеться во что-нибудь немаркое. Вам все ясно?

— Конечно, госпожа Громова! — Я закивала, потом, поколебавшись, спросила: — А... а что будет сегодня ночью?

— Выездное заседание суда, — ответила она, вынимая из стола какие-то бумаги. — Полагаю, вам будет интересно.

Еще бы! Интересно же побывать в настоящем суде!

Интересно, какое дело мы сегодня будем рассматривать? Ну, хотя бы уголовное или гражданское? И почему ночью?!

Ладно, скоро я все увижу собственными глазами, так даже интереснее...

Поздним вечером я шла по небольшому парку. Так намного ближе, чем по людным улицам, и я всегда срезала путь. Но, наверное, зря я сунулась сюда ночью!

Легкий ветер колыхал ветки, где-то ухала сова, а дорогу озаряли лишь редкие фонари и свет полной луны. Днем здесь красиво и вполне уютно, но в темное время суток парк казался пугающим и опасным.

Я быстро шла, ежась и вздрагивая от малейшего шороха. До выхода на освещенную улицу оставалось совсем немного, и я ускорила шаги.

Ой, это еще что?!

Я поневоле остановилась и прислушалась. Тонкий хрустальный перезвон, тихий смех, странный звонкий напев...

Деревья чуть в стороне вдруг засветились зеленовато-голубым призрачным светом, а между ними что-то заблестело.

Любопытство заставило меня крадучись подобраться поближе...

Я присмотрелась и чуть не ахнула: небольшая полянка в парке превратилась в нарядную бальную залу. Между светящихся деревьев самозабвенно плясали крылатые человечки в одеждах из листьев и цветов.

Танцоры выделяли па прямо на ветках и в воздухе, кружились и кувыркались в лунном свете, заливались веселым смехом. С крыльев их сыпалась сияющая пыль, а музыка звала пуститься в пляс...

Ухватившись за ветку, я зачарованно любовалась их волшебным танцем...

Вот прозвучал последний аккорд, и прелестные феи дружной хохочущей стайкой полетели прочь.

А я все стояла, не в состоянии двинуться с места. Кое-где ветки еще светились,

доказывая, что все это мне не приснилось.

«Ой, надо же спешить! — спохватилась я. — Госпожа Громова рассвирепеет, если я опоздаю!»

Я приподняла длинную юбку (никак не привыкну!)... И вдруг на другой стороне полянки шевельнулась какая-то тень. Мужчина!

Он тревожно огляделся, подошел к соседнему дереву, поднял руку...

Чтоб не взвизгнуть, пришлось зажать рот ладонью.

«Маньяк! — панически подумала я. — Надо бежать, скорее!»

Но он, кажется, меня не заметил. Одной рукой придерживая сверкающую ветку, он принялся собирать искрящуюся пыль.

Интересно, зачем?! Но не спрашивать же!

Тут он повернулся, и я разглядела его лицо... Что тут делает господин Бышков?!

Я затаилась, почти не дыша, пока он осторожно орудовал крошечной метелкой и совочком.

Наконец господин Бышков оглянулся, убеждаясь, что пыли больше не осталось, и крадучись направился прочь.

Как только затихли его шаги, я ринулась в противоположную сторону...

— Алевтина, что с вами? — поинтересовалась госпожа Громова, когда я ввалилась в дом. На ее лице читалась легкая обеспокоенность. — Что-то случилось?

— Я... я не знаю! — пролепетала я, пытаюсь отдышаться.

— Стэнли, — через плечо позвала госпожа Громова, — будьте добры, сделайте чаю!

— Конечно, госпожа Громова, — ответил он почтительно и направился на кухню.

Я зябко обхватила себя руками за плечи, опустилась на стул. От пережитого меня до сих пор потряхивало.

— Алевтина. — Госпожа Громова легонько коснулась моего плеча, спросила деликатно: — Вас кто-то... обидел?

— А? — очнулась я. — Нет, ничего такого!

— Послушайте. — Она взяла поднесенную расторопным Стэном чашку и вручила мне. — Выпейте, это поможет вам взять себя в руки. И расскажите все по порядку. Примерно полчаса у нас в запасе есть.

Я кивнула и глотнула горячего чая. Станный привкус, интересно, что Стэн в него добавил.

— Немного коньяка, — ответил он на мой вопросительный взгляд и скупое, одними губами, улыбнулся.

Вот чем Стэн похож на госпожу Громову, так это предельной сдержанностью. Интересно, он специально ей подражает?

— Итак, в чем дело? — поинтересовалась куратор, дождавшись, когда я допью.

— Я... я случайно кое-что увидела... — Я колебалась, стоит ли говорить. Ведь мой рассказ могли счесть бредом или вообще поклепом на светлое имя господина Бышкова!

— Можете считать меня своим адвокатом, — усмехнулась госпожа Громова, правильно поняв мои сомнения. — И, как вам известно, я не вправе разглашать сведения, касающиеся клиентов.

— Спасибо! — кивнула я, поразмыслив. Это действительно был выход.

И принялась говорить...

— Любопытно, — заметила госпожа Громова, когда я закончила. — Говорите, господин

Бышков собирал фейскую пыль?

— Ага, — подтвердила я. — Только зачем ему это?

— Это как раз вполне понятно, — отмахнулась она. — Наркотики.

— Какие наркотики? — не поняла я. От пережитых приключений я вообще слабо соображала.

— Разумеется, фейская пыль! — госпожа Громова задумчиво обхватила пальцами подбородок. — Данное вещество включено в список особо опасных наркотических веществ и прекурсоров. Феи танцуют каждое полнолуние, однако добыть фейскую пыль непросто. Собрать ее нужно в течение десяти, максимум пятнадцати минут после завершения танца, а место они всякий раз выбирают иное. Хотя для сильного мага это особых проблем не составит.

— А... милиция? — брякнула я растеряннo. — Разве они не ищут эту пыль?

— Боюсь, у вас слишком идеалистические представления о возможностях нашей милиции, — вздохнула госпожа Громова. — Вы должны понимать, что невозможно расставить патрули на каждой улице и в каждом парке. А сильные маги не тяготеют к милицейской службе.

— Ясно, — кивнула я, пытаюсь собраться с мыслями. Неужели господин Бышков — наркоман? Или, хуже того, наркоторговец? — Тогда мне придется на него заявить, да? Иначе это будет недонесение о преступлении.

— Хм... — Госпожа Громова задумчиво постучала по столешнице холеными ногтями. — Боюсь, что да. Хотя и не верится, что Алессандро на такое способен.

Алессандро? Ой, они же наверняка знакомы!

— Ну... — засомневалась я. — А может, я что-то неправильно поняла?

— Увы, — вздохнула госпожа Громова, — едва ли в данном случае можно понять что-то неправильно. Алессандро человек, так что ему грозит до трех лет лишения свободы. Разумеется, если он собирал фейскую пыльцу для личного употребления, а не для распространения.

Я кивнула и прикусила губу.

Альвия — мир на перекрестке путей, здесь множество рас и народов. Конечно, всех нельзя наказывать за преступление одинаково. Например, для человека двадцать пять лет тюрьмы — это минимум четверть жизни, а для эльфа — всего лишь одна двадцатая. Несправедливо ведь, правда?

Поэтому все санкции в Уголовном кодексе предусмотрены для людей, а для остальных рас наказание умножается на определенный коэффициент — пропорционально продолжительности жизни.

Госпожа Громова бросила взгляд на часы и поднялась.

— Алевтина, нам пора. Стэнли, вы можете быть свободны!

— Да, госпожа Громова. — Он отвесил изящный полупоклон.

Стэн красиво двигался — легко, грациозно, но одновременно складывалось впечатление, будто в позвоночник его вставлен железный штырь, настолько ровно он держал спину...

Ночью город казался совсем чужим и незнакомым. За окном демобилиа — местной разновидности транспорта, похожего на карету, только без лошадей, — мелькали темные улицы, перекрестки, очертания домов...

Поездка мне нравилась, хотя демобиль ощущимо трясло на ухабах. Еще бы, я же впервые

тут куда-то ехала! Из дома господина Мандора я вообще не выходила, а до работы и института добиралась пешком. Это и экономно, и для фигуры полезно.

Теперь я хваталась за специальную ручку на дверце и глазела в окно. Дома виднелись все реже и реже, наконец мы свернули на какую-то проселочную дорогу, потом демобиль фыркнул и наконец остановился.

— Наконец-то приехали! — Госпожа Громова достала зеркальце и поправила шляпку.

— Ага, — согласилась я. Зеркальца у меня не было, а просить у куратора было неловко.

Я неуклюже выбралась из салона. После такой поездки меня все еще немного вело.

Интересно, где мы?

Я огляделась и чуть не присвистнула от удивления.

Кладбище! Обстановка самая пугающая: могилы, венки, оградки, кое-где только покосившиеся надгробия...

А метрах в десяти от нас — пентаграмма, горящая неприятным мертвенно-синюшным светом. Внутри нее вольготно расположились в легких креслицах три странные фигуры.

И все это в призрачном свете полной луны.

— Кто это? — дрожащим голосом спросила я, указав подбородком на пентаграмму.

— Разумеется, зомби, — негромко ответила госпожа Громова. — Собственно, это и есть мои клиенты. Давайте подойдем поближе.

Ой, мама... У меня затряслись коленки, отчаянно захотелось то ли бежать отсюда со всей прыти, то ли зарыться в ближайшую ямку...

Куратор, уже сделавшая несколько шагов к своим «клиентам», наконец заметила, что я за ней не иду.

Обернувшись, посмотрела на меня и вздохнула.

— Алевтина, не бойтесь, — сказала она мягко. Так разговаривают с детьми и животными, которые не всегда понимают слова, но очень чувствительны к тону. — Вы здесь в полной безопасности. Будьте добры следовать за мной. Вы ведь не хотите отстать и потеряться?

— Н-нет. — Я сглотнула и замотала головой. — Нет, конечно!

— Тогда пойдемте! — велела она с легким нетерпением. — Мы и так опаздываем.

Госпожа Громова направилась к пентаграмме, шагая так спокойно и непринужденно, словно на прогулке по набережной в воскресное утро.

Стараясь не отставать ни на шаг, я шла следом.

Кроме зомби, там были еще и люди. Неужели сатанисты?! Нет, совершенно не похожи.

— Здравствуйте, госпожа Громова! — приветливо сказала пожилая дама, на секунду отвлечшись от командования молодыми парнями, которые расставляли вокруг пентаграммы стулья и осветительные шары.

— Здравствуйте, госпожа Оранжевая, — кивнула куратор. — Не подскажете, судья уже прибыл?

— Конечно, — кивнула дама, уперла руки в бока и прикрикнула на парней: — Вы, лентяи, поторапливайтесь! Скоро начинать, а вы до сих пор не справились с простейшим делом!

— Пойдемте, Алевтина, надо спешить! — напомнила госпожа Громова.

— Да-да, — согласилась я, хотя подходить к пентаграмме было страшно.

Зомби были намного страшнее, чем по телевизору: кое-где торчали кости, в гниющей плоти шевелились черви...

Хорошо хоть запаха не было, а то я бы хлопнулась в обморок.

Разговор госпожи Громовой с клиентами прошел мимо меня.

Очнулась я от звучного:

— Встать, суд идет!

Судьей оказался добродушный мужчина лет пятидесяти, с упитанными щеками и солидным брюшком.

— Можете присаживаться! — разрешил он, опустившись на солидный стул, чем-то напоминающий трон. Остальные довольствовались сиденьями попроще. — Итак, Пацифидским районным судом в составе судьи Демина, при секретаре Оранжевой, с участием адвоката Громовой, которая является представителем истцов, а также судебного мага Облачного и представителя органа опеки и попечительства Лайнис слушается дело по иску условно оживленных лиц Полевого, Юрина, Дебон к некроманту Ужас Летящий на Крыльях Ночи о защите трудовых прав.

Ну и имечко у этого некроманта! Сам он особого впечатления не производил: щуплый юнец с цыплячьей шейкой и прыщавым лицом. Наверно, пытается хоть как-то выделиться, раз на большее ума не хватает.

Судья тем временем спрашивал насчет отводов и скороговоркой разъяснял права.

— Раз отводов не поступило, секретарь, давайте нож.

Она подала на подносе внушительный тесак.

Судья хладнокровно резанул запястье и поднял руку:

— Клянусь судить честно и беспристрастно, и да будет тому свидетелем Первый Дракон!

Судебный маг явно привычно остановил кровь и заживил порез. Маги здесь присутствуют на каждом заседании, чтобы исключить возможность влияния на судью или других участников процесса, а заодно распознать принуждение, иллюзии и прочие магические штучки.

— Истцы, — повернулся судья к зомби, — вы поддерживаете свои исковые требования?

— Да-а-а! — хором прогудели они, упираясь лапами (руками это не назовешь!) в невидимую стену над гранями пентаграммы.

— Тогда расскажите об обстоятельствах дела, — велел судья. — Или вы, госпожа Громова, сами?

— Полагаю, лучше вначале лично истцы, — ответила госпожа Громова с легкой улыбкой. — Это будет... нагляднее.

— Хорошо, — кивнул судья. — Итак, истцы...

— Я скажу за всех! — прошамкал один из зомби, неотрывно глядя на судью. Тот не реагировал — на диво крепкие нервы! — Мы не преступники, обычные люди, за что с нами так? Думали, хоть после смерти отдохнем... А тут этот некромант!

— Вы согласились работать на него? — быстро вмешалась представитель органа опеки и попечительства — рыженькая девица с лошадиным лицом. Поскольку зомби не считались полностью дееспособными, на суде требовалось ее присутствие. — Добровольно?

— Да-а-а, — прогудели зомби хором. — Но он нехороший!

— И в чем же это проявляется? — поинтересовался судья, что-то записывая.

— Разрешите, я, ваша честь? — встала госпожа Громова и, дождавшись кивка судьи, начала: — Ответчик грубо нарушил трудовые права моих доверителей, предусмотренные Трудовым кодексом, раздел 4.6 «Гарантии использования труда нечисти и нежити». Полагаю,

тот факт, что наемные работники ответчика условно живые, не давал ответчику права их эксплуатировать. Прошу суд обратить внимание, что с момента заключения контракта, то есть за последние пять лет, истцам не были предоставлены оплачиваемые отпуска. Более того, за этот период ответчик не дал им ни одного выходного, чем грубо нарушил гарантированное право на отдых. Также ответчик заставлял работать на протяжении всей ночи, с десяти вечера до шести утра, без перерыва на обед.

Я представила перерыв на обед зомби (кровь, кишки и оторванные части тела) и поежилась.

— Да вы что, совсем уже?! — тоненьким голосом вскричал некромант. — Я ж их и так собственной энергией до отвала кормлю!

— Ответчик, не нарушайте процесс! — осадил его судья. — Представитель истцов, продолжайте.

— Благодарю. Кроме того, несмотря на то что моих доверителей привлекали к работам с едкими веществами, им не были предоставлены надлежащие средства индивидуальной защиты... — Некромант застонал и уронил голову на руки, а госпожа Громова продолжила как ни в чем не бывало: — Итак, телесные оболочки моих клиентов вследствие такого обращения крайне изношены и в ближайшем будущем могут окончательно разложиться. Следовательно, мы просим суд обязать ответчика соблюдать трудовые права истцов.

— Есть вопросы к истцам? — поинтересовался судья.

Вопросов не последовало, и слово предоставили ответчику.

— Иск я не признаю! — шмыгнув носом, сказал он.

— Ответчик, вы имеете право на поднятие зомби? — поинтересовался судья.

— Ага. Вот моя лицензия. — Он снова шмыгнул носом (это понятно, на кладбищах и в склепах простудиться легче легкого) и протянул судье какую-то бумагу.

Судья кивнул и зачитал:

— Так, некромант, носящий имя Ужас Летящий на Крыльях Ночи, имеет право на поднятие четырех условно оживленных лиц (зомби) с их добровольного согласия. Истцы, вы согласились на условное оживление?

— Да-а-а! — снова дружно прогудели зомби.

— И вы согласились с условиями трудового соглашения? — продолжил судья, пролистывая дело, видимо, в поисках этого самого договора.

— Да-а-а! — зачем-то раскачиваясь из стороны в сторону, подтвердили они.

С такой слаженностью им бы в хоре петь.

— Ответчик, вы зарегистрировали условно оживленных вами лиц в реестре нежити и нечисти? — Теперь судья обращался к некроманту.

— Ага, вот! — И он приобщи к делу выписку из этого самого реестра.

Надо же, как здесь с магией строго!

— Итак, ответчик. — Судья поднял голову от своих записей. — Почему вы не признаете иск?

— Да они просто оборзели! — выкрикнул некромант высоким голосом. — Я ж на них столько сил угробил, а они еще жаловаться вздумали!

Насколько я поняла из его рассказа, предприимчивый темный маг решил построить себе домик за городом и по дешевке разжился рабочей силой. Зомби выносливые, послушные — для стройки как раз сгодятся.

— А как вы намерены поступить с истцами после окончания работ? — спросил судья,

внимательно глядя на ответчика.

В мертвенном свете пентаграммы тот напоминал недокормленного синюшного цыпленка. И шейка цыплячья!

— В смысле? — не понял тот. — Упокоить, конечно!

Представитель органа опеки и попечительства высоко подняла брови. Видимо, по закону с ненужными зомби полагалось поступать как-то иначе... На пенсию отправлять, что ли?

— Но я же ничего такого! — занервничал ответчик. — Это все в договоре написано! Они ж сами согласились!

— Условия трудового, равно как и коллективного договора не должны ухудшать положение работника, предусмотренное Трудовым кодексом, — процитировала госпожа Громова спокойно.

— Стороны, — оборвал зарождающуюся перепалку судья. — У вас еще будут дополнительные доказательства? — поинтересовался судья, взглянув на часы.

— Да, ваша честь! — подтвердила госпожа Громова. — Прошу огласить и приобщить к делу письменный ответ зрителя кладбища на мой запрос.

Судья принял у нее бумагу и зачитал, что, в соответствии с журналом регистрации убытия-прибытия с территории кладбища условно оживленных лиц, на протяжении последних пяти лет зомби-истцы уходили в двадцать два часа, а возвращались уже после шести.

— Ну и что? — возмутился ответчик. — Откуда я знаю, где они шлялись?

— То есть вы не контролировали перемещение и действия условно оживленных вами лиц? — уточнила госпожа Громова мягко. — Надеюсь, вы знаете, что это квалифицируется как преступная халатность?

Некромант побледнел.

— Суд приобщает данное доказательство к материалам дела, — решил судья. — Это все? Других заявлений и ходатайств не поступило...

Судья пролистал бумаги в деле, выслушал дебаты и ушел в совещательную пентаграмму — переносную конструкцию из металлических трубок, видимо, чтобы не возиться каждый раз, рисуя ее на грунте.

Ничего себе тут совещательные комнаты!

Как только судья вступил в нее, пентаграмма вспыхнула алым и окуталась непрозрачным пологом.

Минут через десять судья выбрался наружу.

— Оглашается вступительная и резолютивная часть решения! — сообщил он. — С полным текстом можно будет ознакомиться через пять рабочих дней. Итак, Пацифидским районным судом рассмотрено гражданское дело по иску...

Короче говоря, истцы выиграли вчистую.

Некроманта обязали предоставлять зомби законные выходные и ежегодный отпуск, не заставляя работать сверх нормы, а кроме того, подлатать зомби, пострадавших от переработки.

— Понятен смысл решения? — спросил судья, закончив читать.

Некромант только смотрел исподлобья и шмыгал носом.

— Да-а-а! — отозвались зомби, ухмыляясь, кто как мог, и тут же взрыли землю когтями. В сторону полетели комья грязи, и буквально за минуту образовались приличные ямы.

Остальные участники процесса застыли, кто где стоял, с открытыми ртами наблюдая за странными действиями зомби.

Те резво забрались в ямы и, кажется, собрались закапываться.

— Пойдите! — спохватился судья. — Еще ведь десять дней на апелляционное обжалование! Только после этого решение вступит в законную силу!

— А мы того, за свой счет тогда берем! — нашелся самый говорливый зомби и скоренько, пока никто не помешал, принялся забрасывать землей импровизированную могилку...

Глядя на это, некромант скрежетал зубами. Кажется, в ближайшее время он стройку не закончит...

— Госпожа Громова, а каким это «первым драконом» клялся судья? — робко спросила я, когда наш демобиль тронулся с места.

Куратор выглядела усталой, но довольной.

— Неужели вам до сих пор это не объяснили? — удивилась она. Посмотрела в мои честные глаза и вздохнула: — Видите ли, наш мир и его жители не могут существовать без магии. Источником магии являются драконы, которые выделяют ее, так сказать, естественным образом, как отходы жизнедеятельности.

— Э-э-э? — Я вытаращилась на госпожу Громову. Она что, экскременты имеет в виду?!

— Разумеется, нет! — ответила она на незадачный вопрос. Наверное, он читался на моем лице большими буквами. — Скорее данный процесс похож на то, как мы выдыхаем углекислый газ. Так вот, Альвия была пуста и безлюдна, пока сюда не прилетел первый дракон. Когда волшебства накопилось достаточно, сюда потянулись из иных миров магические расы. Теперь Альвия настолько сильна в магическом плане, что иногда даже притягивает кусочки чужих миров. Поэтому у нас принято клясться Первым Драконом, выказывая таким образом уважение и благодарность.

— Понятно, — ошеломленно прошептала я. Надо же, оказывается, драконы здесь пользуются таким уважением! Неудивительно, что Шелитт так удивился, когда я к нему ввалилась!

Остаток дороги я думала о драконах, а куратор дремала. Проснувшись она лишь для того, чтобы поинтересоваться, где мне удобнее выйти. Кстати, интересно, а где живет сама госпожа Громова? Хотя какое мне дело?

Зевая, я поднялась по темной лестнице, отперла дверь своим ключом и прокралась в свою комнату.

Уф, как же я устала!

«Как же интересно быть юристом!» — подумала я, проваливаясь в сон...

Разбудил меня громогласный рык госпожи Гадрки.

— Ты совсем сдур-р-рел?! — разорялась она. — Ты зачем это сделал?!

Господин Раргош бубнил что-то в ответ.

— Успокойся, Гадочка! — разобрала я.

Ничего себе, уменьшительно-ласкательное прозвище!

Супруга успокаиваться не желала, напротив, ее голос становился все громче. Она честила на все корки мужа, он оправдывался...

Я поморщилась, потерла глаза и протянула руку за часами. Спать в такой обстановке было невыносимо. Ох уж эти домохозяйки с их привычкой подниматься ни свет ни заря!

Госпожа Гадрка просыпалась часов в пять, после чего принималась греметь кастрюлями

на кухне и включала вещатель — хрустальный шар, аналог нашего радио.

И категорически не понимала, чего ради она должна отступать от своих привычек. Это же ее квартира!

Я набросила халатик и, позевывая, отправилась в ванную. Тут-то и стала понятна причина утреннего скандала: подвыпивший господин Раргош вечером выбросил в унитаз целую рыбину. Унитаз такое подношение не оценил и забился наглухо. Так что удобства у нас теперь были во дворе, под кустиком...

А скандал тем временем набирал обороты. Господин Раргош тоже нашел, что припомнить супруге, та за словом в карман не полезла... В общем, шум стоял такой, что на месте соседей я бы вызвала милицию.

Я посмотрела на часы. Так, на работу точно рано — госпожа Громова вряд ли явится в офис спозаранку. О, идея! Пойду я пока в институт. Можно в библиотеке посидеть, все равно мне еще много самостоятельно изучать.

Спустя час я сидела в блаженной тишине читального зала. Юридические науки в голову упрямо не лезли, так что я укрылась в уютной нише за шкафом и размышляла.

Пойти в милицию или не пойти — вот в чем вопрос! Нельзя же просто сделать вид, что ничего не было! Может, господину Бышкову нужно какое-то лечение?

А вдруг я ошиблась, что-то не так поняла?

— Не психуй! — вдруг раздраженно потребовал мужской голос совсем рядом. От неожиданности я чуть не взвизгнула. Ой, он же меня за шкафом не видит! Выйти? Вроде как-то неудобно... Ладно, подожду, пока договорят.

А голос тем временем продолжал насмешливо:

— Что, девчонка опять тебя отшила? Я же говорил тебе пока к ней не лезть!

— Я и не лез! — оправдывался второй, судя по голосу, молодой парень. — Но не мог же я просто смотреть...

— Идиот! — перебил его первый. — Ты что, не понимаешь, чем мы рискуем?

— Вы рискуете, — буркнул второй. — Я тут вообще ни при чем. Ну, продал я ему ту книжку, и что? Максимум штраф впают.

— И ты что, думаешь, я молчать буду? — язвительно поинтересовался первый. — Если я погорю, то все-все расскажу. Думаешь, милиции неинтересно будет, что ты меня сам нашел, план предложил и сам же все организовал?

— А вы на него донесли! — обиженно ответил второй и уточнил нервно: — Слушайте, а ничего, что мы тут так спокойно обо всем говорим? Вдруг кто подслушает?

— Идиот! — вновь повторил первый. Кажется, ему нравилось тыкать собеседника носом в лужу. — Я первым делом проверил, есть ли тут кто. Магией проверил, если ты не понял. Ничего живого в этой комнате нет.

— А девчонка? — не поверил второй. — Библиотекарша сказала, что еще какая-то девчонка есть!

— Значит, она в другом зале! — отрезал первый. — Хватит болтать о ерунде. Держись подальше от своей девицы! Потерпи немного, вот осудят его, и получишь ты свою красотку!

— А вы — свое место на кафедре! — обиженно напомнил второй. — Нечего на меня всех собак вешать. Можно подумать, я вас уговаривал Бышкова подставить!

Я вздрогнула. Бышкова?! И затаила дыхание.

— Без имен! — прошипел первый.

— Эй, вы чего? — Кажется, второй попятился. — Сами же говорили, никого тут нет!

— Все равно не болтай! — велел первый. — Нам осталось дожидаться, пока у него порошок найдут. И все, мы в дамках!

— А он не оправдается? — все еще сомневался второй. — Можно же, наверно, как-то доказать, что он не употребляет. Ну, он и скажет, для чего ему нужно было.

— Во-первых, — наставительно произнес первый, — если он сам не употребляет, то ему же хуже. Пойдет как распространитель. А во-вторых, правды он ни за что не скажет. Да сам подумай, что будет, если он признается, что хотел сделать лекарство от импотенции!

— Ну, это да! — согласился второй и добавил ядовито: — Еще бы, такой красавчик, а ничего не может! Жаль, если я расскажу, никто не поверит.

— Именно, мой юный друг. — Кажется, первый улыбался. — Но я позвал тебя не для того. Я знаю, где он прячет книгу. И тебе надо ее забрать. Чтобы даже если он таки заговорит, никаких доказательств не было!

— А почему вы сами не заберете? — опасливо спросил второй. — И вообще, вы же сами сказали, что он не заговорит!

— Потому что! — раздраженно ответил первый. — Он же неуправляемый, мало ли, вдруг решит, что позора ему хоть так, хоть так не избежать. Не из-за импотенции, так из-за судимости. А я же на него заявил, и если книжку вдруг найдут, то следов моей ауры хватит, чтобы дело рассыпалось. Понял?

— Понял, — буркнул второй. — Только мне это не нравится!

— Поздно ныть! — отрезал первый. — Вот схема, тут все расписано. И ради Первого Дракона, повторяю, держись ты подальше от своей девчонки!

— Ладно, — уныло согласился второй.

Шуршание бумаги, шаги, и все стихло...

А я сидела как мышка, пытаюсь уразуметь все, что только что услышала.

Выходит, Бышков действительно не виноват?! То есть виноват, но...

Нужно быстро его найти! Может, еще успею перехватить, предупредить?

Я не думала, что буду делать и говорить.

Схватила сумку с книгами и, прижимая ее к груди, рванула на кафедру гражданского права. Только бы не опоздать!

Пробегая по коридору, я чуть не сбила с ног профессора Мандельси.

— Ой, простите! — пролепетала я, пытаюсь отдышаться. — Здравствуйте, профессор!

— Здравствуйте. — Маленький профессор недовольно отстранился и попытался меня обойти.

— Простите, а господин Бышков уже на месте? — спросила я с надеждой.

— Да! — односложно ответил профессор и, посмотрев неодобрительно, быстро пошел прочь. Кажется, он посчитал меня одной из поклонниц Бышкова.

А я, приободрившись, перешла на бег.

На звук открывшейся двери господин Бышков поднял голову. Он сидел, обложившись какими-то книгами, и досадливо хмурил темные брови.

Еще двое преподавателей как раз собирались выпить чая.

— Здравствуйте! — сказала я всем сразу. — Простите, господин Бышков, можно вас на минутку?

— Меня? — несколько удивился он. На вид и не скажешь, что ему нужна какая-то помощь.

— Да! — Для убедительности я покивала. — Это очень-очень важно!

— Ну, хорошо. — Он заложил ручкой книгу и неохотно поднялся с места.

Мы отошли к окну в коридоре, распахнутому по случаю не по-осеннему теплой погоды. Господин Бышков подумал и, похлопав себя по карманам, вытащил тлеющую трубку (интересно, почему она ему карман не прожгла?).

— Что вы хотели? — поинтересовался он, колдуя над ней. Уселся на подоконник, затаился с видимым удовольствием.

— Я... я видела вас прошлой ночью! — выпалила я решительно.

Он поперхнулся дымом, закашлялся, потом поднял на меня холодный взгляд.

— И что это должно означать? — поинтересовался он сухо. — Вы хотите сказать, что следили за мной? Зачем?

— Да нет же! — возразила я, зардевшись. Понятно, он подумал то же, что и профессор Мандельси. — Я случайно проходила по парку и увидела танец фей...

Бышков ничего не ответил, только затаился глубоко, и взгляд его сделался совсем уж недобрый.

— Я не знала, что это такое! — принялась оправдываться я. — Я правда просто шла мимо!

— Хорошо, предположим, я верю, — произнес он, отвернувшись. — И что дальше? Чего вы хотите?

— Ничего! — поспешно возразила я, сообразив, *что* он подумал. — Я не собираюсь вас шантажировать!

— Тогда зачем, — он неопределенно повел трубкой, — это все?

И нетерпеливо откинул со лба темную челку.

— Я сейчас случайно услышала разговор, — начала я быстро.

— Опять случайно? — заметил он сухо.

— Да! — Я опять густо покраснела. Не хотела я подслушивать, просто так вышло! И уж не ему жаловаться! — Я сидела в библиотеке, и туда пришли двое. Ну, они меня не заметили и...

— Пойдите! — Господин Бышков поднял руку, к чему-то прислушиваясь. И мгновение спустя я услышала тоже. Частый тяжелый топот, как будто несколько крупных мужчин почти бегут.

Я обернулась... и обомлела. Милиция!

Один из них окинул цепким взглядом коридор и сразу направился к нам.

— Господин Бышков? — спросил он тем усталым казенным тоном, каким обычно говорят всякие инспекторы государственных служб.

— Да, это я, — признался он легко. Только плечи словно окаменели.

— Вас вызывает следователь Бамбур, — сообщил милиционер. — Пройдемте с нами.

Господин Бышков пожал плечами и, тщательно упаковав трубку, сунул ее в карман.

Но... но так не должно быть! Я заметалась, пытаюсь сообразить, что предпринять.

— Подождите, а как же... Вы же должны предъявить бумаги! — вмешалась я. — Ну, санкции!

Милиционер фыркнул.

— А мы его не задерживаем! — сообщил он. — Мы всего лишь проводим его на допрос. То есть на добровольную беседу со следователем, да.

— От которой я не могу отказаться, — заметил господин Бышков, дернул уголком рта и поднялся с подоконника. — Надеюсь, вы хотя бы скажете, по какому поводу меня вызывают?

— Это к следователю! — отрезал милиционер, цепко беря его за локоть. — Мы люди маленькие.

И господина Бышкова увели, а я осталась посреди коридора в полной растерянности...

Что же делать?!

Конечно, можно оставить все, как есть. Но это же несправедливо!

Думала я недолго. Нужно рассказать все госпоже Громовой!..

При виде меня Стэн сдержанно удивился.

— Алевтина? — Он помог мне снять пальто и аккуратно повесил его в шкаф. — Разве вы не должны быть в институте?

— Должна, — согласилась я, кусая пересохшие губы. — Стэн, а госпожа Громова занята?

— Нет, — ответил он, оборачиваясь, и сверкнул внимательным взглядом ярко-голубых глаз. До сих пор я не слишком рвалась общаться с куратором.

— Я загляну к ней, ладно? — спросила я и пообещала: — Ненадолго!

Стэн лишь пожал широкими плечами и направился в кабинет госпожи Громовой — доложить о моем появлении. А вдруг она не пожелает со мной говорить?

Надо признать, должность секретаря скрупулезному, внимательному и аккуратному Стэну подходила идеально.

— Алевтина, — позвал он, выглядывая из кабинета госпожи Громовой. — Проходите!

— Ага. — Я рванула с места. И шепнула стоящему в дверях секретарю: — Спасибо!

— Не за что, — так же тихо ответил он, чуть заметно улыбнувшись.

Для скупого на эмоции Стэна даже такое проявление чувств было редкостью.

Ладно, будем считать хорошей приметой.

— Здравствуйте, Алевтина! — Куратор чуть наклонила темноволосую голову. Вежливость превыше всего. — Присаживайтесь.

— Здравствуйте, госпожа Громова! — Я неловко опустилась в кресло напротив нее, разгладила складки на юбке, не зная, с чего начать.

— Вы хотели о чем-то со мной поговорить? — напомнила она, скосив глаза на часы.

Ненавязчивое напоминание, что не стоит отнимать драгоценное время госпожи Громовой.

— Да! — выпалила я, решившись, и посмотрела прямо в ее спокойные темные глаза. — Сегодня арестовали господина Бышкова!

— Хм, — произнесла она, беря в руки карандаш. Чуть нахмурила идеальные брови, сжала губы, яркие безо всякой косметики. — Насколько я понимаю, обвинение в хранении наркотиков?

— Ага, — подтвердила я и, заметив скользнувшую по ее лицу тень, принялась оправдываться: — Это не я заявила в милицию, честное слово!

— Не горячитесь, Алевтина! — Она подняла ладонь, останавливая поток сбивчивых оправданий. — Даже в том случае, если это вы известили милицию о деянии Алессандро, я не стану вас упрекать. В конце концов, это долг любого честного гражданина, и я сама, как юрист, рекомендовала вам обратиться в правоохранительные органы.

— Но вам бы не понравилось, если б я... ну, сделала так, как вы мне говорили? — догадалась я.

Прошлой ночью я слишком испугалась и переволновалась, чтобы понять настрой куратора.

— Полагаю, что да, — не стала возражать она и, откинувшись на спинку кресла, сложила пальцы домиком. — Итак, господин Бышков арестован. Чего же вы хотите от меня? Совета о вашем поведении на допросе в качестве свидетеля?

— Нет! — даже замотала головой я. — Я же никому не говорила! Ну, о том, что видела. Так что никакой я не свидетель. Разве что сам господин Бышков заявит. Но зачем ему это?

— Постойте, — попросила госпожа Громова, даже подавшись вперед. — Полагаю, будет лучше, если вы поведаете мне обо всем по порядку. Итак, вы разговаривали с господином Бышковым?

— Да, — подтвердила я, нервно поправила волосы и сказала: — Давайте я лучше и правда расскажу по порядку! А то я запутаюсь.

Госпожа Громова лишь кивнула, не отрывая от меня внимательного взгляда...

— М-да, — произнесла она, выслушав мой сбивчивый рассказ. — Прямо скажем, ситуация непростая.

— Но вы сможете ему помочь? — с надеждой воззрилась на нее я.

— Попробую, — довольно неопределенно пообещала она и снова принялась крутить в руках карандаш. — Итак, что мы имеем? Поскольку вы сами были свидетелем совершенного Алессандро преступления, полагаю, не стоит сомневаться в его виновности. Едва ли он сумел настолько хорошо спрятать фейскую пыль, чтобы ее не сумели отыскать. И, разумеется, на упаковке обнаружатся следы его ауры...

— Ага, — убито кивнула я. В изложении куратора ситуация выглядела безвыходной. — И что, ничего нельзя сделать?!

— Хм... — Госпожа Громова задумчиво склонила голову к плечу. — Разумеется, сам по себе услышанный вами разговор господину Бышкову едва ли поможет. Он известен лишь с ваших слов. А вас, Алевтина, обвинение легко представит как влюбленную в преподавателя студентку, которая пошла на лжесвидетельство ради любимого. Нет, не стоит, — заметив мою реакцию, она подняла изящную руку, — не спорьте. Безусловно, я вам верю. Однако мало знать правду, нужно суметь ее доказать.

— Понятно, — кивнула я, чуть не плача.

— Впрочем... — Она застыла, о чем-то размышляя. Потом, очнувшись от дум, позвала: — Стэнли!

— Да, госпожа Громова? — появившийся на пороге секретарь почтительно склонил светловолосую голову.

— Будьте добры, отправьте записку госпоже Бышковой. — И пояснила мне: — Это мать Алессандро. Напишите, что я займусь этим делом, мне нужно соглашение с кем-то из родственников.

— Конечно, госпожа Громова! — Стэн едва каблуками не щелкнул, вновь слегка поклонился и отправился исполнять поручение.

А госпожа Громова тем временем принялась рассуждать вслух:

— Итак, что мы можем извлечь из вашего рассказа? Полагаю, установить личность молодого человека будет несложно. Если верить словам его старшего товарища, то молодой человек весьма несдержанно оказывает знаки внимания девушке, с которой Алессандро связывают весьма близкие отношения. Достаточно выяснить у него имя и адрес девушки, а уж она наверняка сумеет указать на излишне навязчивого поклонника. Вероятно, на допросе он укажет на своего сообщника, однако нам это не поможет.

— Почему?! — не вытерпела я.

— Алевтина, — вздохнула куратор, — вы ведь понимаете, что господин Бышков совершил преступление, которое ему вменяется? А тот факт, что кто-то, скажем так, содействовал в формировании его преступного умысла, сам по себе не освобождает Алессандро от обвинения.

— Понимаю, — кивнула я для поддержания беседы.

В тоне госпожи Громовой больше не звучали обреченно усталые нотки. Кажется, ей пришел в голову какой-то план. Или, скорее, она выстраивала план защиты прямо по ходу разговора.

— Постойте, — потребовала она, что-то торопливо записывая. Подняла голову от бумаг и спросила: — Алевтина, вы уверены, что в парке в тот момент больше никого не было?

— Я никого не видела, — честно сказала я и поежилась, вспомнив ужас той ночи. Да тогда каждый шорох звучал как гром!

— Превосходно! — чему-то обрадовалась госпожа Громова. — Вы никому больше не рассказывали об увиденном?

— Нет! — твердо ответила я. — Только вам и господину Бышкову. Но нас никто не слышал, это точно!

— Превосходно, — еще раз повторила она и на мгновение смежила веки. — Алевтина, можете отдыхать. Стэнли напоит вас чаем. И, полагаю, у нас найдется что-нибудь перекусить.

— Да, госпожа Громова! — Я встала. Хоть слова куратора звучали вежливо, по сути это был приказ. Но все же не выдержала: — А... Вы что-то придумали, да?

Она негромко рассмеялась.

— Разумеется, — и добавила загадочно: — Запомните, любого свидетеля можно поймать, если он говорит о том, чего в действительности не видел. Только, к сожалению, далеко не всегда этого достаточно для снятия обвинения. Но, надеюсь, нам это удастся.

— Ясно, — сказала я, так ничего и не поняв.

Ужасно хотелось расспросить куратора подробнее, но ясно было, что ничего она не скажет.

Так что, вздохнув, я отправилась на кухню...

А там уже хлопотал Стэн, и при виде атлетически сложенного секретаря в белом поварском переднике я хихикнула.

— Алевтина? — Он бросил взгляд через плечо и кивком указал на стул. — Присаживайтесь.

— Спасибо! — чинно сказала я.

Здесь, среди запахов ванили, корицы и лимонной цедры, меня наконец отпустила тревога и нервная дрожь. И, обняв руками исходящую паром чашку, я смаковала неожиданное ощущение тепла и уюта...

Стэн, скинув фартук, устроился напротив и принялся уплетать бутерброды.

— Вы очень вкусно готовите! — похвалила я, изо всех сил стараясь не чавкать.

Мы до сих пор были на «вы», и, кажется, Стэна это совершенно не напрягало.

— Благодарю! — совершенно с той же интонацией, что и госпожа Громова, откликнулся он и аккуратно промокнул губы салфеткой.

Едва я успела допить чай, как в дверях появилась сама начальница.

— Надеюсь, вы оправились от волнения? — поинтересовалась она у меня, скользнув взглядом по сразу подобравшемуся секретарю. Вот уж кому подходило выражение «есть

глазами начальство»!

— Да, спасибо! — Я подавила желание вскочить.

— Полагаю, тогда мы можем ехать. — Госпожа Громова благосклонно кивнула Стэну, между прочим вручившему ей бутерброд.

— Куда? — осмелилась поинтересоваться я.

— В райотдел, разумеется! — подняла тонкие брови госпожа Громова. — А заодно по дороге заглянем кое-куда.

И с непередаваемым изяществом куснула бутерброд. Как, ну как ей это удастся?!

Честно говоря, смысл вояжа по городу от меня ускользал.

Сначала мы заглянули в небольшой особнячок в тихом пригороде, а потом вообще демобиль остановился у старой полуразрушенной башни, вокруг которой все поросло наперстянкой.

— Алевтина, подождите здесь! — велела куратор и, чуть приподняв юбку, отправилась на штурм этого реликта фортификации.

Вернулась она примерно через полчаса, судя по играющей на губах улыбке, вполне довольная собой.

— Госпожа Громова, а можно мне узнать, что мы тут делаем? — спросила я с легкой обидой.

Ну к чему эта таинственность?!

— Алевтина, вы же юрист, — укоризненно произнесла госпожа Громова. В ее тоне явно читалось сомнение — а юрист ли? — Разумеется, вы не вправе присутствовать при сборе доказательств, если в дальнейшем намерены давать показания в качестве свидетеля!

— Ой! — Я покраснела. А ведь и правда! — Значит, это был сбор доказательств?!

— Разумеется! — кивнула куратор. — А теперь, Алевтина, ответьте мне на весьма важный вопрос.

— Слушаю! — подобралась я.

— Вы готовы... хм, сказать следователю, что той ночью на поляне никого не было? Кроме вас, разумеется.

Я сглотнула и решительно кивнула:

— Так будет справедливо! — и сбилась, сообразив, как высокопарно это прозвучало.

— Вот и славно! — сказала госпожа Громова и, откинувшись на удобные подушки, задремала...

Райотдел оказался серым невзрачным зданием, в стены которого, казалось, намертво вьелся сигаретный дым.

Дежуривший на входе милиционер при виде госпожи Громовой кивнул и, пробормотав приветствие, нажал на кнопку. Кажется, ее здесь неплохо знали. А вот меня заставили продиктовать паспортные данные.

Госпожа Громова то и дело кивала знакомым, я же тихонько шла за ней, во все глаза разглядывая райотдел милиции. Честно говоря, увиденное меня ничуть не впечатлило. Старое обшарпанное здание, насквозь пропахшее чем-то неприятным, муторным.

Куратор поднялась по широкой лестнице на второй этаж, подошла к двери в самом конце коридора и, даже не постучав, тронула дверную ручку. А я мышкой скользнула следом.

— Рада приветствовать, следователь Бамбур! — произнесла она, остановившись напротив стола, за которым устроился ярко-рыжий бородатый мужичок в зеленом наряде.

— Ба, кого я вижу! — расплылся в широкой улыбке он. — Сколько лет, сколько зим!

— Вы хотите меня оскорбить? — сухо поинтересовалась она, подняв брови.

— Нет-нет, как можно! — замахал руками мужичок. — Чем же я мог вас оскорбить?!

— Не стоит говорить женщине, что не видели ее много лет, — усмехнулась госпожа Громова. — Это можно счесть намеком на ее возраст.

— Да что вы! — с преувеличенным ужасом запротестовал следователь. И, вскочив, самолично придвинул госпоже Громовой обшарпанный стул.

Она, едва заметно скривившись при виде неказистого сиденья, все же осторожно уселась. Хм, а иногда хорошо носить длинные юбки! Потому что колготки соприкосновения с этим стулом явно бы не пережили.

А я с любопытством рассматривала следователя, роста в котором было мне по пояс. Он поглядывал на меня с не меньшим интересом.

— А это кто? — наконец не выдержал он, взгромоздившись на свой стул.

Ой, он же на сиденье книжки подкладывает!

— Простите, — повинулась госпожа Громова, чуть склонив голову. — Я совсем забыла о приличиях!

Следователь поморщился. Кажется, он само это слово считал ругательным.

— Ничего, — пробормотал он, поерзав.

— Позвольте представить вам Алевтину Звонареву, — продолжила куратор. — Алевтина, это следователь Бамбур.

— Очень приятно, — пробормотала я.

— И мне, — хмыкнул следователь и вдруг вперил в госпожу Громову неожиданно острый взгляд. — А если без шуток? Кто она такая?

Как будто меня тут вообще нет!

— Ваш свидетель, — очаровательно улыбнулась госпожа Громова. — По делу господина Бышкова.

Следователь скривился.

— А, так вы по тому делу! Участвовать будете?

— Разумеется, — пожала плечами госпожа Громова. И, вынув из портфеля бумаги, протянула их Бамбуру: — Вот мои полномочия.

— Ясно. — Он едва бросил взгляд на исписанные ровным почерком госпожи Громовой строчки. — И с чего вы решили, что я стану ее допрашивать?

— Вы можете этого не делать. — Она привычным жестом сложила пальцы домиком. — Однако я, разумеется, подам письменное ходатайство, и вам все равно придется ее допросить. А если вы заупрямитесь, то мою просьбу наверняка удовлетворит суд.

— Уверены? — уточнил следователь, наблюдая за госпожой Громовой.

— Более чем! — подтвердила она спокойно. — Алевтина видела танец фей той ночью. И даже более того.

Гном мгновенно посерьезнел.

— Вот как? — переспросил он, разглядывая меня так, словно пытался взглядом проникнуть мне под кожу.

— Да! — подтвердила я, сдержав желание передернуться.

— Свидетель, значит? — Следователь не скрывал недоверия. — А сама-то ты кто? Где работаешь?

Я взглянула на госпожу Громову, которая едва заметно кивнула.

— Алевтина Звонарева, — снова представилась я. — Студентка юридического

факультета. Стажируюсь у госпожи Громовой.

— Тьфу! — фыркнул гном, откидываясь на спинку стула, и повернулся к госпоже Громовой. — Вы меня совсем за дурака держите? Мало того, что она наверняка знает подозреваемого...

— И когда это мешало давать показания? — поинтересовалась она мягко. — Если бы родственникам, знакомым и друзьям было запрещено свидетельствовать, боюсь, вы бы по большинству дел никаких свидетелей не отыскивали!

— А то, что она ваша практикантка? — напомнил он едко. — А значит, фактор личной заинтересованности в деле...

— Господин Бамбур, простите, какой еще личной заинтересованности? — перебила госпожа Громова. — Алевтина не является адвокатом господина Бышкова, равно как и помощником адвоката. Функция защитника целиком лежит на мне. Алевтина же присутствует здесь лишь в качестве свидетеля.

— Вы думаете, я поверю в такие совпадения? — скептически спросил он. — Госпожа Громова, вы меня обижаете!

— Можете не верить, — пожала плечами она. — Но сперва допросите. А потом я представлю вам иные доказательства — уверяю, совершенно независимые и легко проверяемые. И, кстати, как защитник, я хотела бы ознакомиться с доказательствами, обосновывающими задержание господина Бышкова.

— Его никто не задерживал! — быстро возразил следователь. — Только позвали... на беседу!

— Разумеется, — усмехнулась госпожа Громова. — Без повестки, без извещения родственников и прочих... пустых формальностей, не так ли? Господин Бамбур, вы желаете, чтобы я написала жалобу в прокуратуру?

— Хм. — Гном дернул себя за бороду и махнул рукой. — Ладно, ваша взяла.

— Алевтина, будьте добры подождать в коридоре! — велела куратор, и я, конечно, послушалась.

Впрочем, долго скучать не пришлось. Минут через десять меня позвали обратно.

— Я вас оставляю. — Госпожа Громова встала и, ободряюще кивнув мне, вышла...

Спустя два часа я уже сама была не рада, что согласилась на эту эпопею. Гном вцепился в меня как бульдог и вытрепал все нервы бесконечными каверзными вопросами.

Отвечала я честно (ну, почти!), так что бояться мне было нечего.

— Ладно, — наконец сдался он. Спрыгнул и, смешно переступая маленькими ножками, прошлепал к выходу. Выглянул: — Заходите, госпожа Громова.

— Благодарю, — ответила куратор. Вошла, взглянула на меня с некоторой обеспокоенностью. — Алевтина, с вами все в порядке?

— Да. — Я слабо махнула рукой. — Протокол я подписала.

— Прекрасно, — кивнула она и повернулась к следователю: — Надеюсь, вы убедились, что в этом деле все не так просто?

— Это только ее слова! — буркнул он и, порывшись в столе, извлек оттуда изрядно погрызенную трубку. — Которые ничем не подтверждаются.

— Вот как? — подняла брови она. — Только не говорите, что вы не обратили внимания на весьма примечательные расхождения!

— Обратил, — насупился гном. — Но она могла знать...

— Откуда? — перебила госпожа Громова. — Знакомилась с заявлением потерпевшего я

в отсутствие Алевтины, ни с кем из фигурантов дела она не имела возможности переговорить. Так откуда ей знать?

Следователь что-то проворчал, а госпожа Громова пояснила, видя мою растерянность:

— Алевтина, об этом преступлении заявил некий господин Старицкий, который *якобы* видел господина Бышкова прошлой ночью в парке на пересечении улиц Победы и Колокольчиков.

— Но это же было совсем не там! — воскликнула я, совсем растерявшись. — Ну, то есть я же сама видела! Это было в Красном парке, в совсем другой стороне!

— Именно, — подтвердила госпожа Громова с легкой полуулыбкой. — Феи танцуют лишь раз в месяц, и предугадать место их танца весьма непросто. Поскольку у Старицкого не хватило таланта проследить за Бышковым, он попросту назвал первый пришедший в голову парк, понадеявшись, что никто не станет разбираться. Кстати, это вам. Прошу приобщить к делу.

Она протянула скривившемуся следователю какую-то бумагу.

— Что это? — Он принял лист с видимым скепсисом. Вчитался, поменялся в лице, поднял взгляд.

— Да, — подтвердила госпожа Громова с иронией. — Я озаботилась письменной справкой общины фей о том, где именно они танцевали прошлой ночью. И, заметьте, она также всецело подтверждает слова Алевтины!

— Ы-ы-ы! — взвыл следователь, снова схватившись за свою многострадальную бороду. — Откуда вы взяли на мою голову?! Такое дело складывалось! А вы?!

— А я, разумеется, приложила все силы, дабы защитить невиновного, — заметила госпожа Громова выпренне. И улыбнулась чуть-чуть, уголками губ. — Полагаю, вам не составит труда... хм... разговорить господина Старицкого. Равно как и отыскать его сообщника.

— Ну, спасибо за совет! — ядовито проворчал гном, яростно принимаясь раскуривать трубку. В кабинете уже было не продохнуть от клубов дыма. — Ладно, идите!

— А мой подзащитный? — напомнила госпожа Громова.

— Подождите у входа. Его выпустят минут через двадцать.

Следователь, сосредоточенно пыхая трубкой, принялся яростно листать бумаги, не обращая на нас внимания.

— Тогда до свидания, — вежливо сказала госпожа Громова, делая мне знак вставать.

Гном поднял страдальческий взгляд, в котором так и читалось: «Глаза б мои вас больше не видели!» — и буркнул что-то неразборчивое...

Госпожа Громова, выйдя на крыльцо, глубоко вдохнула пахнувший осенней свежестью воздух, прикрыла глаза, подставляя лицо ветру и накрапывающему дождю.

Только сейчас я поняла, как она устала. И как переживала за исход дела, пусть и не показывая своего волнения.

— А... госпожа Громова, — тихо позвала я.

— Вы хотите знать, что это было? — поинтересовалась она, не открывая глаз.

— Да. — Я кивнула, забыв, что она меня не видит.

— В общем-то, все довольно просто, — вздохнув, сказала она. — Банальная зависть. Когда-то Алессандро был очень дружен с этим Старицким, а впоследствии даже женился на его сестре...

— Что?! — не сдержалась я и тут же одумалась: — Ой, извините. Продолжайте.

— Брачные отношения сложились неудачно, — процитировала она текст стандартного заявления о разводе. — И были разорваны. Причина, надо сказать, была названа обтекаемая. Что-то вроде несовпадения характеров. В действительности, полагаю, речь шла о... хм, интимных проблемах. После этого Старицкий затаил обиду на бывшего друга, который к тому же намного талантливее и успешнее в карьере. К сожалению, подобное встречается нередко... Однако его недовольство не заходило дальше мелких пакостей, пока какой-то случай не свел его со студентом, влюбленным в невесту Алессандро. Не спрашивайте, что там у них произошло, я и сама пока не ведаю. Однако не сомневаюсь, что Бамбур это выяснит. И, думаю, постарается взять их на хищении той самой книги. Он толковый следователь, своего не упустит.

— Но откуда вы все это знаете?! — вскричала я, забыв, где нахожусь.

Госпожа Громова открыла глаза и покосилась на меня неодобрительно, потом вдруг усмехнулась:

— Припомните, я ведь заезжала к матери Алессандро. Полагаете, лишь за надлежащими полномочиями?

— Ну... да, — призналась я. — А зачем еще?

— Алевтина, — вздохнула она. — Господин Бышков очень любит свою маму. Очень любит, — повторила она с нажимом. — Настолько, что, как послушный сын, рассказывал маме обо всем. Так что госпожа Лучиана очень многое могла поведать о делах сына.

— Ясно. — Я недоверчиво покачала головой. Надо же, какой... примерный мальчик! Неужели маме и о своих проблемах рассказал?!

— Надо не забыть посоветовать Алессандро те пилюли, — тихо-тихо произнесла куратор, роясь в портфеле. — Дорогие, однако весьма действенные...

«Ничего себе у нее познания в... фармакопее!» — ошеломленно подумала я.

Глава 4

О вампирах, незаконном распитии и добровольном согласии

«День рожденья — грустный праздник...» — крутилась в голове строчка из старой песенки.

Я отпила глоток чая, ковырнула ложечкой рассыпчатое пирожное... И отставила в сторону.

Ничего не скажешь, отличный день рождения — в полном одиночестве! Дома бы собрались родственники, а вечером я бы отмечала с друзьями...

Мне стукнуло уже, страшно подумать, двадцать! Двадцать! А у меня никакой личной жизни, сплошная работа и учеба.

Нет, конечно, это тоже надо, но... Годы ведь уходят!

Вдруг я теперь так и останусь одна? Даже отпраздновать толком не с кем...

Однокурсники меня в свою компанию не принимали (клеймо попаданки отпугивало их, как черта — святая вода).

Позвать госпожу Громову и Стэна? Глупости!

Я даже улыбнулась, представив, как распиваю бутылочку вина вместе со своей строгой наставницей. Она держится настолько сухо и невозмутимо, так уверена в своих силах, что мне остается лишь завистливо вздыхать и мечтать однажды стать такой же. А приглашать одного Стэна... Еще вообразит, что я зову его на свидание! Позорище...

Глупые мысли, совершенно ненужные, но чем еще оставалось заниматься?

Теперь воспоминания о прошлом казались светлыми и какими-то... нереальными, что ли? Как будто той Алевтины, которая весело отмечала свой девятнадцатый день рождения, больше нет, а вместо нее живет какая-то другая девушка...

Тьфу! Я встряхнулась, прогоняя мысли, от которых чувствовала себя усталой и бесконечно старой, и огляделась по сторонам, пытаюсь отвлечься от тяжелых дум.

В кафе-кондитерской было немногочленно, да и другие расы в этот вечер явно облюбовали какие-то другие места. Зато никто не мешал мне выпить чашечку чая и слопать десяток поразительно вкусных пирожных.

Кондитерская располагалась буквально в двух шагах от офиса госпожи Громовой, но я набрела на нее только месяц назад. Я бедная студентка, так что питаться в кафе мне не по карману. Но иногда так хочется хоть чем-нибудь себя порадовать!

От одной мысли, что пришлось бы коротать вечер в своей комнате, становилось тоскливо...

Я глотнула чая (еще немного, и лопну!) и обвела взглядом кафе. Обстановка радовала взгляд: стены цвета топленого молока; терракотовая плитка на полу; багряные и лимонно-желтые низкие диванчики; расставленные повсюду статуэтки и экзотические растения. Знойные волны пряных запахов — мускатного ореха и кардамона, гвоздики и корицы, жгучего перца и томной ванили — казались почти осязаемыми.

Кроме меня посетителей было трое, а владелец, пожилой орк, курил трубку недалеко от входа в это замечательное заведение. Мы немного поболтали о каких-то пустяках, пока официантка принесла заказ.

Юная парочка устроилась в самом дальнем углу, подальше от посторонних глаз, и самозабвенно ворковала.

Смотреть на то, как парень заботливо кормит девушку пирожными, при этом глядя на нее так, будто сам мечтает оказаться на месте подносимых к ее губам сладостей, было выше моих сил. Я перевела взгляд на последнего посетителя, скучающего за столиком как раз напротив меня.

А посмотреть было на что! Худощавый длинноволосый брюнет, одетый замысловато и эффектно: рубашка с кружевами в стиле незабвенного Питера Блада, черные кожаные штаны, на шее алел шелковый шарф, а в ухе покачивалась длинная серьга. На носу у незнакомца красовались темные очки, которые он не снял, несмотря на царящий в помещении сумрак. В общем, он представлял бы собой мечту любой романтической половозрелой девицы, если бы не был таким сублильным.

Я продолжала разглядывать незнакомца, пытаюсь от нечего делать угадать, кто он такой, когда краем глаза увидела, как распахнулась дверь. В кондитерскую вплыла девушка, одетая вызывающе, даже слишком вызывающе для здешней консервативной моды. Черно-красная юбка открывала ноги изрядно выше колен, а блузка оставляла обнаженными руки, живот и изрядную часть бюста. Да еще и вызывающий макияж: выбеленное лицо, алая помада и обведенные темными тенями глаза.

«Наверное, она тоже попаданка, — решила я. — Местные так не оденутся ни за что!»

Девушка восторженно взвизгнула и повисла на шее у того самого незнакомца. Он фамильярно обнял ее за талию, чмокнул в щеку и... улыбнулся мне, демонстрируя внушительные клыки.

Сердце ушло в пятки. Одно дело — знать, что здесь бывают вампиры, а совсем другое — увидеть их воочию! Брр, это еще хуже, чем инкуб! Хищная тварь, которая отобедает тобой и выбросит, как пакетик от чипсов.

Кажется, та девушка моего мнения не разделяла. Наоборот, глазела на вампира с восторженностью фанатки при виде кинозвезды. Он с явным снисхождением принимал ее восторги.

Наконец, вампир допил свой напиток (интересно, это кровь?) и попросил счет. Расплатившись, он поднялся, небрежно подцепил за локоток девицу и направился к выходу.

— Укуси меня! — услышала я ее страстный шепот, когда они проходили мимо. — Я хочу стать такой же, как ты!

Вампир лишь довольно ухмыльнулся, а я поежилась, проводила взглядом парочку и без всякого аппетита доела пирожное. На душе почему-то стало совсем мерзко. Может, потому что просьба незнакомки отдавала мазохизмом? Брр!

Остаток вечера я нет-нет, но вспоминала вампира и его добровольного донора, а путь домой выбирала только по людным и хорошо освещенным улицам. В переулках мерещились тени, полная луна заливала город расплавленным серебром, где-то тоскливо выла собака...

Так, прекратить себя накручивать! Я встряхнула головой и ускорила шаги...

Ночью мне снились какие-то невнятные кошмары, после которых я проснулась совершенно разбитая. Ничего не скажешь, весело отпраздновала день рождения!

Я отдернула штору в своей комнате и, прищурившись, посмотрела на ясное небо. При ярком солнечном свете совершенно не верилось ни в каких вампиров.

Ладно, хватит думать о глупостях! На работу вперед и с песней!

Следующие два дня я вкалывала, как лошадь. Госпожа Громова задалась целью навести

порядок в своей библиотеке и, конечно, поручила это мне. А я, помня о той истории с якобы украденной книгой, ужасно боялась что-то перепутать и постоянно бегала к Стэну за подсказками.

Вот и сейчас я приволокла в приемную толстенный трехтомник.

— Стэн, а это куда ставить?

— М-да, — вздохнул он и, уныло глядя на лист бумаги в печатной машинке перед собой, запустил пятерню в уложенную волосок к волоску блондинистую шевелюру. — Алевтина, вы бы не могли меня не отвлекать хотя бы час? Снова опечатка...

— Извините. — Я прижала к груди свою увесистую ношу. — Но я правда не могу сама разобраться!

— Ладно. — Стэн еще раз вздохнул и встал. — Что у вас там?

Ответить я не успела: во входную дверь загрохотали, кажется, кулаком.

— Я открою! — предложила я быстро.

Это была обязанность Стэна, но сегодня я ему явно задолжала.

Я распахнула дверь, но приветливая улыбка застыла у меня на губах. На пороге стоял, шмыгая носом, следователь Бамбур.

Он ничуть не изменился, разве что оделся теплее. Неизменно красный нос, наводящий на размышления о моральном облике работников милиции, трубка в зубах (интересно, он просто любит курить или читал о Шерлоке Холмсе?), зеленый костюм и острый взгляд из-под кустистых бровей.

— Добрый день! — прогудел Бамбур, вынув изо рта чадающую трубку.

— Здравствуйте, — растерялась я. — Проходите, я сейчас сообщу госпоже Громовой...

— Не надо! — остановил он меня. — Я к тебе.

И шагнул через порог, заставив меня отступить.

— Где б нам с тобой поговорить, а? — бесцеремонно спросил Бамбур, оглядываясь.

— Но я же вам все рассказала! — занервничала я. — И на суд еще повестку не получала.

— А? Какой суд? — Он похлопал ресницами. — А, ты про Бышкова, что ли?

— Ну да, — кивнула я. — А какие еще у вас могут быть ко мне дела?

— Ну, ты везучая. — Он огладил роскошную рыжую бороду. — Или невезучая, тут как посмотреть!

— В смысле? — Я уже совсем ничего не понимала.

Та история с господином Бышковым закончилась для него вполне благополучно. Студента взяли с поличным, потом основательно потрусили второго сообщника... В общем, в суд ушло дело не о наркотиках, а о заведомо неправдивом сообщении о преступлении. Проще говоря, о ложном доносе.

— Это ж ты была на днях в кофейне на Малой Морской?

— Ну, — опешила я, — да, наверное.

— Что здесь происходит? — сухо поинтересовалась госпожа Громова, выглянув в коридор. — Господин Бамбур, вы допрашиваете мою подчиненную?

— А почему бы и нет? — ухмыльнулся он. — Она же совершеннолетняя, так что может обойтись без адвоката.

— Тем не менее я настаиваю на своем присутствии, — заметила она ледяным тоном. — А вам, Алевтина, не рекомендую отвечать на столь провокационные вопросы, не подумав.

— Да, госпожа Громова, конечно! — Я покраснела, чествуя себя на все корки.

Надо же такое ляпнуть! Мало ли, о каком дне он говорит и что вообще произошло.

— Проходите! — велела она, кивнув в сторону своего кабинета. — Стэнли, будьте добры, сделайте чаю.

— Да, госпожа Громова. — Секретарь склонил голову и отправился на кухню, а мы гуськом направились в кабинет...

— Итак, что вы хотели? — поинтересовалась госпожа Громова, устроившись за столом. Странно, несмотря на хрупкость и невысокий рост, она совсем не терялась в массивном кожаном кресле.

[Купить полную версию книги](#)